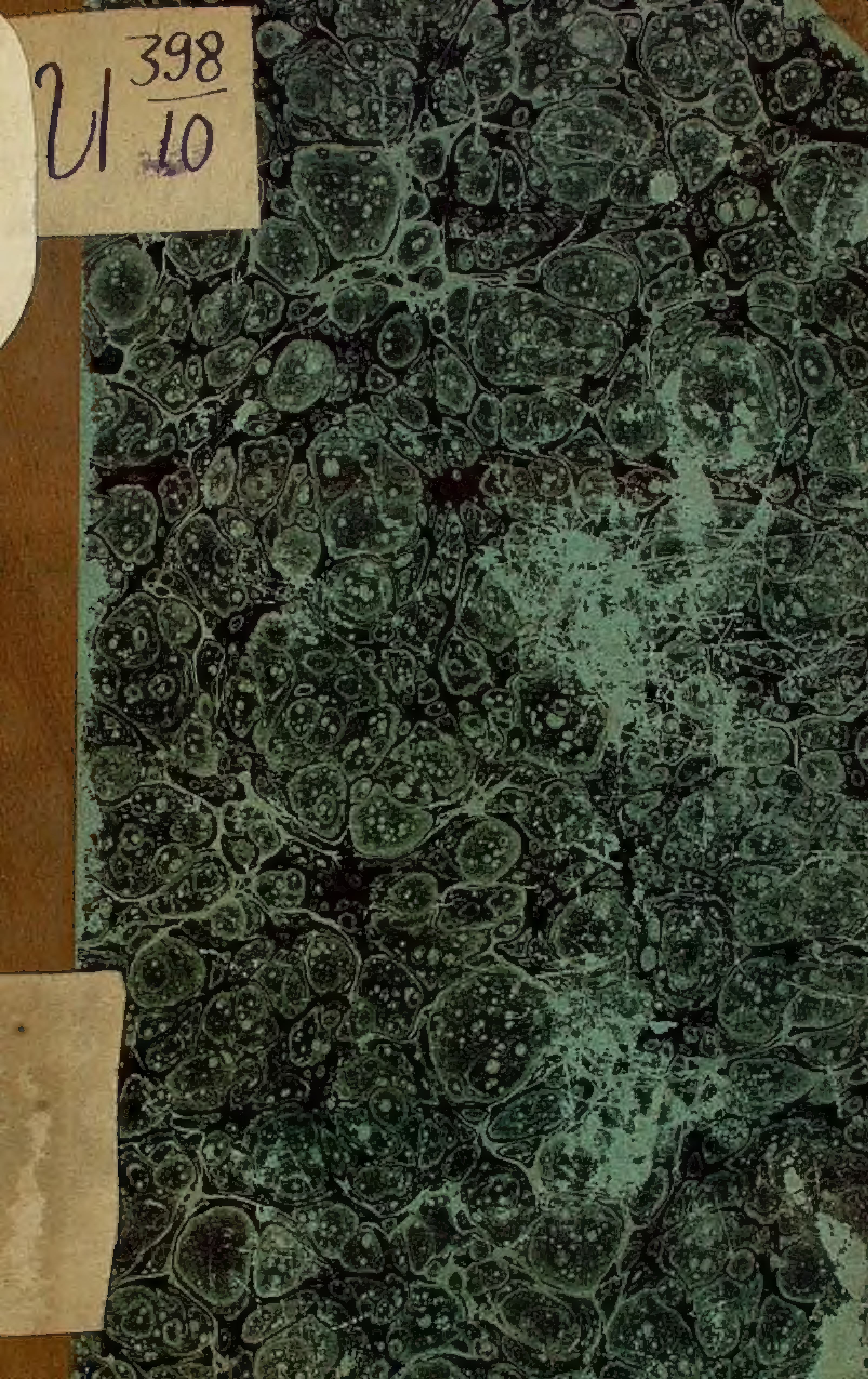

U 398/10

№. 10.

БОЯРИНЪ
АРТАМОНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МАТВѢЕВЪ
И ЕГО ВРЕМЯ.

Историческій очеркъ
(1625—1682 гг.)

Е. Волковой.

„Да вѣдають потомки православныхъ
„Земли родной минувшую судьбу!"
Пушкинъ.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для сельскихъ и народныхъ библіотекъ.

Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 16 Декабря 1896 г.

Много въ первопрестольной Москвѣ историческихъ памятниковъ. Горделиво возвышается Кремль со своими старинными соборами и Иваномъ Великимъ на одномъ изъ холмовъ Бѣлокаменной. Вдали и вблизи отъ него находятся столь же древнiе и величавые памятники прошлой жизни русскаго народа; но изъ нихъ есть одинъ, о которомъ не всякiй знаетъ. Онъ прiютился въ сторонѣ отъ другихъ, въ глухомъ Армянскомъ переулкѣ. Если прохожiй случайно забредетъ въ этотъ переулокъ, то недалеко отъ людной Мясницкой улицы онъ увидитъ церковь „Николая Чудотворца на столпахъ" весьма причудливой, старинной архитектуры, и за церковной оградой небольшое четырехъ—угольное зданiе. На карнизѣ этого зданiя, похожаго на часовню, есть надпись:

Гробница

Болярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, убiеннаго въ первый стрѣлецкiй бунтъ 1682 г. Мая 15 дня.

Жизнь Артамона Сергѣевича Матвѣева и его государственная дѣятельность относятся къ царствованію второго царя изъ дома Романовыхъ Алексѣя Михайловича. Царствованіе Алексѣя Михайловича заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ это время русское общество начинаетъ сознавать необходимость измѣненій во всемъ строѣ русской жизни. Общественныя бѣдствія, которыми такъ богато это царствованіе, приводятъ русскихъ людей къ мысли о негодности своихъ порядковъ, и со всѣхъ сторонъ начинаютъ раздаваться смѣлыя нападки на эти порядки.

Такъ, бѣжавшій изъ Россіи заграницу подъячій Посольскаго приказа Григорій Котошихинъ сравниваетъ русскіе порядки съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ чужихъ земляхъ. Онъ всѣмъ недоволенъ въ Московскомъ государствѣ—и порядками, и людьми, и ихъ понятіями. Въ русскихъ онъ видитъ „небогобоязненную натуру", осуждаетъ ихъ спѣсь, а главное — ихъ невѣжество. „Русскіе люди, жалуется онъ, непривычны ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ ученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ. Бояре многіе грамотѣ неученые; для науки и обычая въ иноземныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того".

Такъ отзывался о Россіи человѣкъ, близко знакомый съ порядками и обычаями своей родины. По

вотъ что говоритъ о Московскомъ государствѣ чужой человѣкъ, ученый сербъ, Юрій Крижаничъ. Пріѣхавъ въ Москву и присмотрѣвшись къ русской жизни, онъ былъ пораженъ множествомъ укоренившихся здѣсь недостатковъ. Въ своемъ сочиненіи „Политическія думы" онъ ярко рисуетъ эти недостатки. Прежде всего Крижаничъ обвиняетъ русскихъ въ самомнѣніи, въ излишнемъ пристрастіи къ своимъ обычаямъ. Но больше всего его поражаетъ бѣдность русскаго государства сравнительно съ западными государствами. „Тамъ на западѣ, пишетъ онъ, разумы у народовъ хитры, есть гавани, торговля морская, ремесла, земледѣліе". Въ Россіи не то: „здѣсь умы у народа тупы и косны, нѣтъ умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ; купцы не учатся даже ариѳметикѣ. Русскій человѣкъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ; онъ лѣнивъ, непромышленъ, самъ себѣ добра не хочетъ дѣлать, если его не принудятъ къ тому силою. Книгъ у него нѣтъ никакихъ ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ". Крижаничъ упрекаетъ русскихъ за отсутствіе благородной гордости, стыдливости, за пьянство. Подобно Котошихину онъ видитъ все спасенье въ наукѣ, въ просвѣщеніи, совѣтуетъ переводить полезныя книги съ иноземнаго, вызывать въ Россію „нѣмецкихъ" мастеровъ. То же самое думали и всѣ лучшіе русскіе

люди 17 вѣка. Всѣ они начинали выражать недовольство старыми московскими порядками, старыми понятіями и обычаями. Это недовольство раздѣлило все русское общество 17 вѣка на два враждебныхъ лагеря: на приверженцевъ новизны и поклонниковъ старины. Когда заговорили новые люди о необходимости учиться у иноземцевъ и наукѣ, и ремесламъ, и даже нравственности, не остались также въ молчаніи и приверженцы старины. Они не хотѣли разстаться со своими старыми обычаями, упорно отказывались отъ новыхъ порядковъ, ихъ пугала наука, заимствованная изъ „еретическаго" запада. И глухо ропщутъ они на „новшества", на склонность къ „иноземщинѣ". Они видятъ въ этомъ поруганіе родной старины, забвеніе истинной православной вѣры. Но тщетно раздаются ихъ голоса! Все сильнѣе и сильнѣе сознается въ русскомъ обществѣ непригодность старыхъ порядковъ, оно все тревожнѣе поглядываетъ на „еретическій" западъ, надѣясь отыскать въ немъ средства противъ неурядицъ и общественныхъ бѣдствій своей родины. То и дѣло пополняются ряды приверженцевъ новизны.

Самъ царь Алексѣй Михайловичъ сознаетъ, что русскіе во всемъ отстали отъ европейцевъ, онъ самъ допускаетъ „новшества". Но Алексѣй Михайловичъ еще слишкомъ привязанъ къ старинѣ, онъ обладаетъ слишкомъ нерѣшительнымъ харак-

теромъ и потому не можетъ направить Русь на новый путь. Но великая его заслуга уже въ томъ, что онъ поддерживалъ и ободрялъ новыхъ людей и этимъ самымъ открывалъ имъ путь къ дѣятельности. Бояринъ Ртищевъ, бояринъ Ординъ-Нащокинъ и другіе приверженцы новизны — все это близкіе царю люди. Поддерживаемые имъ, они расчищаютъ и подготовляютъ путь, по которому поведетъ Россію сынъ Алексѣя Михайловича Петръ Великій.

Когда на русскомъ престолѣ появилась маститая фигура Преобразователя, приверженцы старины почувствовали свое пораженіе, и голоса ихъ смолкли. Старая Россія со своими обычаями и порядками отжила свой вѣкъ, на смѣну ея нарождалась новая Петровская Русь съ новыми взглядами и новыми задачами.

Если съ Петромъ Великимъ явился въ Россіи свѣтъ образованія и науки, то не надо забывать, что были люди, которые сдѣлали первые шаги на этомъ пути и подготовили ему его преобразовательную дѣятельность. Среди бойцовъ съ глухой стариной, съ темными предразсудками и невѣжествомъ русскаго народа одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

ГЛАВА I.

Воспитаніе Матвѣева.—Какъ учили въ то время.—Назначеніе Матвѣева стряпчимъ при царевичѣ Алексѣѣ.

Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ родился въ 1625 году, когда Россіей правилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ — первый царь изъ дома Романовыхъ, избранный на престолъ въ 1613 году послѣ тяжелаго смутнаго времени. Отецъ его былъ человѣкъ небогатый, незнатный; онъ понималъ пользу ученья, что было рѣдко въ то время, и хотѣлъ дать образованіе своему сыну. А это было дѣло нелегкое. Въ 17 вѣкѣ не было такихъ школъ, какъ теперь, гдѣ бы учили не только читать и писать, но и другимъ наукамъ — ариѳметикѣ, географіи, исторіи и пр. Да и кто бы сталъ учить въ нихъ? Среди русскихъ не было хорошо образованныхъ людей, приглашать же иностранцевъ не хотѣли. Вѣдь иностранецъ исповѣдывалъ другую вѣру, а русскій человѣкъ крѣпко держался за свое православіе и больше всего боялся, что чужеземный учитель научитъ его дѣтей чему либо несогласному съ православной вѣрой.

„Пусть учатся только читать и писать да правиламъ истинной вѣры“, рѣшали отцы и не спѣша подыскивали своимъ дѣтямъ какого нибудь грамотѣя. Такими грамотѣями большею частью являлись приходскіе священники, дьяконы, церковные причетники.

Артамону исполнилось уже 12 лѣтъ, когда однажды вечеромъ отецъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ:

„Пора тебѣ, сынъ мой, приняться за науку; завтра утромъ я отведу тебя къ учителю“.

Артамонъ обрадовался. Бойкій, любознательный мальчикъ давно уже хотѣлъ учиться. Скучно ему было по цѣлымъ днямъ сидѣть со своей матерью. Только и радости у него было, когда въ долгій зимній вечеръ отецъ позоветъ его къ себѣ въ горницу. Старику Матвѣеву случалось бывать при посольствахъ въ Персію и въ другія страны. Съ какимъ нетерпѣніемъ, бывало, ждалъ Артамонъ вечера; лучше всякихъ сказокъ, которыми усыпляла его старая нянька, любилъ онъ разсказы отца о житьѣ-бытьѣ чужихъ народовъ.

„Будешь хорошо учиться, самъ побываешь въ этихъ земляхъ“, часто прибавлялъ отецъ; неудивительно поэтому, что вѣсть объ ученіи сильно обрадовала мальчика.

У своего учителя Артамонъ встрѣтилъ еще шесть, семь человѣкъ учениковъ; нѣкоторымъ было уже лѣтъ по шестнадцати. Не торопился русскій человѣкъ того времени обучить своихъ дѣтей, плохо еще понималъ онъ пользу грамоты!

Передъ началомъ ученія учитель прочелъ своимъ ученикамъ „азбуковникъ“. Такъ назывался сборникъ, который содержалъ въ себѣ разныя наставленія дѣтямъ.

„Уходя домой, написано было там, не оставляйте указки въ книгѣ, не бросайте буквари на скамейкахъ, а отдавайте ихъ старшему, который и приберетъ все на мѣсто“.

Далѣе говорилось: „Ученикъ обязанъ носить воду въ школу и являться каждый праздникъ къ учителю на поклонъ съ приношеніемъ ему „снѣдныхъ брашенъ и всякаго питія“. Затѣмъ шли наставленія о кротости, благочестіи, о повиновеніи родителямъ и учителямъ. Но дольше всего и съ особенной назидательностью останавливался учитель на тѣхъ мѣстахъ азбуковника, гдѣ говорилось о розгѣ. Безъ розогъ въ то время не обходилось ученіе. Учителя твердо держались правила, преподаннаго въ 16 столѣтіи попомъ Сильвестромъ, который въ своемъ Домостроѣ училъ такъ: „казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Любя сына своего, учащай ему раны“. И твердо вѣря въ пользу розогъ, учителя не скупились на побои. Родители дѣтей въ достоинство учителя ставили, если онъ часто и прилежно сѣкъ своихъ учениковъ.

Окончивъ чтеніе азбуковника, учитель разложилъ передъ учениками букварп. Съ любопытствомъ и

отчасти со страхомъ смотрѣлъ Артамонъ и его товарищи на нарисованную на заглавномъ листкѣ книги картинку: она изображала учителя, наказывающаго ученика розгами.

„Розга хоть нѣма, да придастъ ума", внушительно прочелъ учитель подпись подъ картинкой. Такимъ образомъ, стараясь заранѣе застращать своихъ учениковъ, онъ приступилъ наконецъ къ обученію. Способный, понятливый Артамонъ скоро прошелъ склады и выучился читать. За чтеніемъ слѣдовало обученіе письму. Затѣмъ приступали къ изученію Часослова, Псалтыря, Апостольскихъ Дѣяній и разныхъ церковныхъ службъ.

Этимъ кончалось все образованіе. Русскій учитель 17 в. не могъ научить бо̀льшему своего ученика, онъ самъ зналъ очень мало. Но ни скучная наука, ни спасительное битье не успѣли притупить пытливый, любознательный умъ Артамона; онъ не удовольствовался такимъ обученіемъ. Ему хотѣлось знать больше, и онъ съ жадностью набросился на книжки, которыя нашелъ въ шкапу у отца. Это были большею частью все тѣ же духовныя книги — переводы св. отцевъ, Іоанна Златоуста, Василія Великаго и др.; онѣ не давали отвѣтовъ на всѣ вопросы, волновавшіе молодой умъ Артамона. Но среди этихъ книжекъ попались ему и другія. Съ любопытствомъ прочелъ онъ любимое въ то время русскими грамотными людьми „Ска-

заніе объ Александрѣ Македонскомъ“ и нѣсколько переведенныхъ съ иноземнаго сказокъ и повѣстей. Въ то время только что начали переводить иностранныя книги.

Но больше всего обрадовался Артамонъ, когда въ числѣ книгъ отыскалъ учебникъ исторіи и географіи. Такіе учебники, составленные иностранцами, были переведены на русскій языкъ чрезвычайно плохо. Въ нѣкоторыхъ благочестивые переводчики вставляли свои совсѣмъ ненужныя замѣчанія. Такъ, въ учебникѣ географіи, гдѣ говорилось, что земля шарообразна, переводчикъ прибавилъ отъ себя, что въ иностранныхъ государствахъ люди забыли истинную вѣру.

Чтеніемъ такихъ книгъ нельзя было въ достаточной степени пополнить свое образованіе, но другихъ тогда не было. И русскій человѣкъ 17 вѣка поступалъ на службу съ самыми незначительными знаніями. Окружающая его жизнь была груба, невѣжественна, неподвижна и также не могла ничему научить его. Поэтому нуженъ былъ слишкомъ свѣтлый умъ, чтобы понять темноту окружающей жизни, нужны были особыя счастливыя обстоятельства, чтобы воспитать въ человѣкѣ стремленіе къ свѣту изъ этой темноты.

Благодаря природному уму и своимъ способностямъ, Артамонъ рано обратилъ на себя вниманіе. Ему еще не было семнадцати лѣтъ, когда царь

Михаилъ Феодоровичъ назначилъ его стряпчимъ, т. е. тѣлохранителемъ и придворнымъ посыльнымъ при царевичѣ Алексѣѣ. Число стряпчихъ доходило въ то время до 800 человѣкъ, но изъ нихъ молодой Матвѣевъ пользовался особымъ расположеніемъ царевича.

ГЛАВА II.

Вступленіе на престолъ царя Алексѣя Михайловича — Внутреннее управленіе государства. — Матвѣевъ — стрѣлецкій голова.

Въ 1645 году на русскій престолъ вступилъ царь Алексѣй Михайловичъ. Это былъ еще совсѣмъ юноша. Привѣтливый, веселый, ласковый, онъ большую часть времени проводилъ въ забавахъ, изъ которыхъ особенную склонность чувствовалъ къ соколиной охотѣ. Добродушный по своей природѣ, онъ любилъ видѣть вокругъ себя довольство и радость, онъ желалъ всѣмъ счастья. Питая самыя добрыя чувства къ своему народу, онъ вездѣ хотѣлъ ввести порядокъ и благоустройство. Но для русскаго царя 17 в. такая задача была слишкомъ трудна. Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ въ тяжелыя времена. Смутное время, предшествовавшее царствованію его отца, разорило государство и оставило неоконченными войны съ Польшей и Швеціей. Эти войны заняли почти

все царствованіе Михаила Θеодоровича и легли тяжелымъ гнетомъ на народъ. Со всѣхъ сторонъ слышались жалобы на тяжкіе поборы, на всеобщее разореніе — всѣ были недовольны.

Во внутреннемъ управленіи не было ни порядка, ни правосудія. Всѣ дѣла государства „вѣдались" въ приказахъ. Понадобится заправлять какимъ нибудь дѣломъ, Государь приказываетъ кому либо изъ своихъ приближенныхъ бояръ „вѣдать" это дѣло, назначаетъ ему помощниковъ; такъ возникалъ приказъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича ихъ насчитывалось слишкомъ сорокъ. Каждый приказъ имѣлъ свои расходы и требовалъ не мало денегъ. Приказъ „казеннаго двора" вѣдалъ царскую казну, золотые, серебряные сосуды, дорогія матеріи. Отсюда шло жалованье всякаго чина людямъ, выдавались по приказу царя богатые подарки боярамъ и духовенству. Изъ этого же приказа выдавались ежегодно одежды служащимъ при дворцѣ — конюхамъ, сокольникамъ, царицынымъ мастерицамъ; отпускались сукна, соболи, шелковыя матеріи донскимъ казакамъ.

„Кормовой" приказъ вѣдалъ столъ Государя; здѣсь на кормовомъ дворѣ готовились многочисленныя кушанья для Государя и для раздачи. Отъ каждаго обѣда и ужина Государь посылалъ блюда боярамъ и думнымъ людямъ. Боже сохрани, если какой бояринъ не получитъ своей подачи. На дру-

гой день спѣшитъ онъ во дворецъ, бранитъ ключника, жалуется самому Государю.

„Вины моей передъ тобою никакой нѣтъ, говоритъ онъ, за что же мнѣ такое безчестіе?“

Начинается розыскъ. Царь гнѣвается на дворецкаго, сажаетъ въ тюрьму ключника, приказываетъ бить батогами разсыльнаго. Каждый день на столъ государевъ и на подачи боярамъ расходилось больше 3000 блюдъ. „Разрядный“ приказъ вѣдалъ военныя дѣла и раздавалъ жалованье ратнымъ людямъ, „Помѣстный“ —раздавалъ помѣстья служилымъ людямъ, „Челобитный“ — разбиралъ жалобы и пр.

Огромныя суммы, которыя требовали на свои расходы эти многочисленные приказы, собирались ими съ городовъ, съ посадскихъ людей, съ крестьянъ, съ откуповъ, со всякихъ угодій. Но платя большія подати, и городскіе люди, и купцы, и крестьяне рѣдко могли добиться толку въ приказахъ и отыскать въ нихъ правосудія. Ихъ было такъ много, что проситель не зналъ обыкновенно, въ какой приказъ обратиться со своимъ дѣломъ. Придетъ въ одинъ, а его пошлютъ въ другой, а оттуда въ третій. Происходитъ страшная путаница, дѣло затягивается, „волочится“, какъ говорили въ то время. Но главная бѣда была въ томъ, что почти ни одно дѣло въ приказахъ не рѣша-

лось безъ взятокъ. Бояре и дьяки *), начальствовавшіе въ приказѣ, думали только о своихъ выгодахъ, о своей наживѣ и за взятки часто оправдывали виновнаго. То и дѣло раздавались жалобы на лихоимство, алчность, притѣсненія приказныхъ людей; даже до сего времени кличка „приказный“ означаетъ лихоимца, взяточника. Такъ народъ сохранилъ въ своей памяти эти черты чиновника того времени. Правда, существовали строгіе законы противъ взяточниковъ: уличенныхъ въ лихоимствѣ нещадно били кнутомъ, отправляли въ ссылку, отсѣкали руки, но ничто не помогало. За всѣми приказами услѣдить было невозможно, поэтому приказные твердо надѣялись выйти сухими изъ воды, ускользнуть отъ наказанія. О стыдѣ, конечно, и говорить было нечего.

„Стыдъ не дымъ — глаза не выѣстъ“, думалъ обыкновенно подьячій, опуская въ свой карманъ только что полученный съ просителя „посулъ“.

Бояринъ или дворянинъ, которому не достало мѣста въ приказѣ, билъ челомъ Государю: дѣла его разстроены, служить на войнѣ не можетъ — старъ, проситъ онъ у царя подходящаго мѣста. Просьба его уважена, его назначаютъ воеводой въ отдаленный городъ. Для захудалаго боярина воеводское мѣсто — находка. Жалованья воевода

*) Дьяки — грамотные и свѣдующіе въ дѣлопроизводствѣ лица изъ духовнаго званія и изъ торговыхъ людей.

за свою службу не получалъ, но жители города и окрестныхъ уѣздовъ обязаны были приносить ему каждый день всякіе приносы, все что нужно было для его домашняго обихода. И съ радостью собирается бояринъ на воеводство, знаетъ онъ, что будетъ сытъ.

„Ѣду покормиться", говоритъ онъ весело своимъ друзьямъ. Не меньше радуется и жена его, ей тоже всегда будутъ подарки. Дѣти, родственники, дворня и тѣ довольны: придутъ на поклонъ къ воеводѣ и ихъ не забудутъ. Всѣ суетятся, торопятся, всѣ почуяли вѣрную добычу и спѣшатъ скорѣй въ путь. А въ городѣ, куда назначенъ воевода, уже разнеслась вѣсть о его пріѣздѣ. Городскіе люди со своими выборными старостами со страхомъ ждутъ новаго воеводу.

Наконецъ онъ въѣзжаетъ въ городъ. Прежній воевода сдаетъ ему всѣ дѣла, казенныя зданія, оружіе, запасы, деньги. Новый воевода привезъ съ собой царскій наказъ, въ которомъ подробно перечислены его обязанности. Онъ долженъ блюсти въ исправности городъ, смотрѣть, чтобы ратные люди были всегда наготовѣ, чтобы все добро государево было цѣло. Онъ обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ городѣ и уѣздѣ не было разбоевъ, воровства, убійствъ и строго наказывать виновныхъ въ этихъ преступленіяхъ. Но главная его забота должна быть о томъ, чтобы съ его города

и уѣзда сполна доставлялись доходы въ государеву казну.

Но перечитывая этотъ наказъ, рѣдкій воевода думаетъ о томъ, чтобы послужить честно, принести пользу отечеству, большинство же думало такъ: „Будетъ ужъ, послужилъ я на войнѣ, теперь и отдохнуть пора, пора и о себѣ подумать, отложить кое что на черный день". Срокъ службы воеводы продолжался не болѣе трехъ лѣтъ; нужно было за это время успѣть поправить свои дѣла.

Лихоимство, взяточничество, насилія—вотъ тѣ пути, съ помощью которыхъ воевода быстро богатѣлъ. Собирая пошлины и платежи въ царскую казну, онъ не забывалъ себя: съ жителей бралъ больше чѣмъ слѣдуетъ и излишекъ оставлялъ себѣ, за взятки освобождалъ отъ податей людей богатыхъ. Управы на него искать было негдѣ, жаловаться некому; „до царя далеко, до Бога высоко", говоритъ съ горечью старинная русская поговорка. И корыстолюбивый воевода безнаказанно творилъ свою волю. Нерѣдко онъ доходилъ до неслыханнаго произвола. Такъ въ 1675 году жители города Шуи жаловались на своего воеводу Баркова, что онъ „началъ имъ, сиротамъ государевымъ, посадскимъ людямъ, чинить тѣсноту и налогу большую и напрасныя продажи и убытки; бьетъ ихъ безъ сыску *) и безъ вины и сажаетъ

*) Безъ слѣдствія.

въ тюрьму для своей корысти, и вынимая изъ тюрьмы, бьетъ ихъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины".

Разсказываютъ также про одного воеводу, что онъ „постоянно ходилъ по городу съ батогомъ въ полтора аршина длиною и въ палецъ толщиною и билъ людей, кого только встрѣчалъ на улицѣ, приговаривая: „Я воевода такой то; всѣхъ изъ подтиха выведу и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣта не видать и изъ тюрьмы не бывать".

Плохо помнилъ воевода указъ Государя—наказывать за грабежи и разбои; напротивъ, всякіе грабители и разбойники были на руку воеводѣ, они давали ему большой доходъ.

„На міръ бѣда, а воеводѣ нажитокъ", справедливо замѣчалъ народъ; стоило дать ему взятку, и онъ укроетъ любого разбойника. Такъ поступали корыстолюбивые воеводы, но не всѣ изъ нихъ, конечно, были такими.

Какъ ни далеко въ своихъ царскихъ палатахъ сидѣлъ царь Алексѣй Михайловичъ, но и до него доходили жалобы на злоупотребленія властью воеводъ, старостъ и другихъ служащихъ людей, долетали и до него слухи о ихъ корыстолюбіи и жестокости, видѣлъ онъ, какъ туго пополняется его казна; и чаще сталъ онъ задумываться о дѣлахъ государственныхъ, чаще бесѣдовалъ о нихъ се своими приближенными. Свѣтлый умъ царя

умѣлъ отличать между ними людей честныхъ, искренно преданныхъ ему, желавшихъ блага отечеству. Уже давно онъ обратилъ вниманіе на Артамона Матвѣева. Пораженный смѣлымъ, бойкимъ умомъ, находчивостью, расторопностью молодого стряпчаго, онъ еще въ началѣ своего царствованія назначилъ его стрѣлецкимъ головою.

Стрѣльцы составляли постоянное пѣхотное войско. Жили они особыми слободами, получали отъ казны жалованье, землю, въ свободное отъ войны время занимались торговлей и промыслами. Званіе стрѣльца было наслѣдственнымъ и переходило отъ отца къ сыну. Отдѣльными стрѣлецкими полками командовали полковники, такъ называемые головы.

Матвѣевъ всей душой отдался военной службѣ; южная часть теперешней Россіи, Малороссія, изнемогавшая подъ властью поляковъ, подъ предводительствомъ своего гетмана Богдана Хмѣльницкаго отложилась отъ Польши. Хмѣльницкій обратился къ Московскому царю съ просьбой принять Малороссію въ свое подданство. Въ числѣ другихъ пословъ Алексѣй Михайловичъ отправилъ Матвѣева въ Чигиринъ, главный городъ малороссійскихъ казаковъ, для принятія отъ нихъ присяги. Поляки не хотѣли отказаться отъ Малороссіи и объявили войну русскому царю. Матвѣевъ въ качествѣ стрѣлецкаго полковника принималъ участіе въ войнѣ съ Польшей. Его храбрость и великодушіе

привлекли къ нему сердца его подчиненныхъ; стрѣльцы души не чаяли въ своемъ начальникѣ, который, какъ простой солдатъ, дѣлилъ съ ними всѣ труды и опасности.

ГЛАВА III.

Поѣздки Матвѣева. - Положеніе селъ и деревень. - Матвѣевъ въ Нѣмецкой слободѣ.

Для веденія дѣлъ, касающихся южной Россіи, былъ образованъ особый приказъ - Малороссійскій. Алексѣй Михайловичъ оцѣнилъ распорядительность и ловкость Артамона Матвѣева, его честность и безкорыстіе, и когда въ этомъ приказѣ оказались неустроенія, онъ поручилъ ему завѣдываніе имъ.

Много хлопотъ доставила Московскому царю Украйна. То и дѣло приходили въ Москву дурныя вѣсти. То появится въ Украйнѣ самозванецъ, то бунтуютъ казаки, недовольные правленіемъ ставленниковъ царя. Матвѣевъ спѣшитъ туда, водворяетъ тишину и порядокъ въ безпокойной странѣ. Не одинъ разъ пришлось ему проѣхать изъ конца въ конецъ Россію, исполняя порученія царя. Эта служба вполнѣ соотвѣтствовала дѣятельной натурѣ и любознательному уму Артамона Сергѣевича. Чего не дало ему скудное образованіе, то

отчасти выполнили собою частыя поѣздки. Онѣ многому научили его и подготовили въ немъ будущаго государственнаго дѣятеля, твердаго разумомъ, честнаго сердцемъ. Онѣ показали ему, въ какомъ положеніи находится его родина; отъ его внимательнаго взгляда ничто не укрылось.

Трудна была ѣзда въ то время. По широкому простору своей земли раскидался русскій народъ мелкими поселками, отстоявшими другъ отъ друга на десятки верстъ. То и дѣло приходилось пробираться черезъ дремучіе лѣса, черезъ болота и трясины—хорошихъ дорогъ въ то время не было.

Совершая свой долгій путь, пристально, бывало, всматривается Матвѣевъ впередъ, не видно ли какого жилья, ужъ и отдохнуть пора, и кони устали. Но кругомъ все безлюдно, все тотъ же темный лѣсъ или голая степь, только иногда попадаются обгорѣлыя бревна, свидѣтельствующія, что здѣсь было когда-то жилье человѣческое.

„Видно поляки прошли здѣсь, или казаки похозяйничали, думаетъ Матвѣевъ, а можетъ и татары выжгли деревню и забрали въ плѣнъ жителей. Много враговъ у земли русской и своихъ и чужихъ“.

И десятки, а иногда сотни верстъ тянется эта картина безлюдья. Встрѣчаются порой одинокія могилы съ покосившимися деревянными крестами. Творитъ крестное знаменіе Артамонъ Сергѣевичъ,

поминаетъ душу добраго человѣка, убитаго лихими людьми, которые въ то время промышляли разбоемъ по большимъ дорогамъ да по темнымъ лѣсамъ. Наконецъ вдали показывались строенія. Веселѣе бѣжали лошади, почуявъ жилье; путники подъѣзжали ближе. Но эти строенія въ большинствѣ случаевъ представляли собою нѣсколько жалкихъ курныхъ избенокъ, изъ которыхъ иныя были наглухо забиты. Блѣдные, изнуренные люди выходили навстрѣчу.

Положеніе крестьянъ въ 17 в. было очень печально. Не успѣли они оправиться отъ повсемѣстныхъ погромовъ и разоренія Смутнаго времени, какъ новыя войны царя Алексѣя потребовали новыхъ налоговъ, отнимали у крестьянскихъ семей лучшихъ работниковъ.

Страдали помѣщичьи крестьяне подъ управленіемъ корыстныхъ приказчиковъ, которыхъ назначали помѣщики, бывшіе большею частью въ отлучкѣ, на войнѣ; не легче приходилось и государственнымъ крестьянамъ подъ управленіемъ московскихъ чиновниковъ—воеводъ, подьячихъ и др., которыхъ они должны были „кормить“. Но еще тяжелѣе было крестьянамъ кормить и откупаться отъ своей братіи—мірскихъ людей, которымъ нравилось легкое разбойничье ремесло. Чаще всего разбойничали они въ лѣтнее время, мучили крестьянъ, жгли деревни — требовали денегъ. Заклады-

вали крестьяне свои „животишки и деревнишки“ и откупались. А вздумают пожаловаться — новое разоренье: за разбойниками правительство пошлетъ подьячихъ и стрѣльцовъ, а подьячіе и стрѣльцы съ нихъ же берутъ деньги за подводы, да еще въ провожатые возьмутъ крестьянъ человѣкъ тридцать въ дѣловую пору.

„Совсѣмъ житья не стало“, жаловались жители селъ и деревень, съ которыми приходилось бесѣдовать Матвѣеву, „кто помоложе, да покрѣпче, тѣ бѣгутъ; думаютъ, авось гдѣ нибудь лучше будетъ“.

Дѣйствительно, измученные бѣдностью, страшными поборами, алчностью воеводъ, жители селъ и городовъ бросали дома, пашни, дворы и огромными толпами бѣжали, куда глаза глядятъ, кто на Волгу, кто въ Сибирь, кто въ южныя степи къ Дону на казацкое вольное житье.

„Да, нелегкая задача выпала на долю царя Алексѣя, думалъ Матвѣевъ, продолжая свой путь, не скоро залѣчишь глубокія раны, которыми страдаетъ государство. Вездѣ видны слѣды грабежей и разбоевъ, отовсюду раздаются жалобы на лихоимство, жестокость служащихъ людей, на крайнюю нужду, на тяжелое житье. Народъ умираетъ съ голоду, отказывается платить непосильные налоги, бросаетъ города и села, казна пуста“...

Эта невеселая картина разоренной отчизны про-

извела сильное впечатлѣніе на Матвѣева. Крѣпко задумался онъ надъ судьбою своей родины и, возвращаясь изъ своихъ поѣздокъ въ Москву, все чаще и чаще сталъ появляться въ Нѣмецкой слободѣ.

Въ 17 в. въ Москвѣ жило много иностранцевъ. Еще царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, воюя со шведами и съ поляками, замѣтилъ превосходство европейскаго вооруженія и ратнаго строя надъ русскимъ. Онъ приказалъ обучать ратныхъ людей иноземному строю и вербовать цѣлыми тысячами иноземныхъ солдатъ, и на это не жалѣлъ издержекъ. На службу къ русскому царю стали являться иноземные лѣкари, часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастера и др. Сначала они селились въ городѣ, гдѣ хотѣли, но потомъ имъ отвели особую слободу, которая и получила названіе Нѣмецкой.

Матвѣевъ цѣлые дни проводитъ здѣсь, бесѣдуя съ веселыми, словоохотливыми иноземцами; онъ подробно разспрашиваетъ ихъ о порядкахъ и обычаяхъ на ихъ родинѣ и сравниваетъ иноземные порядки со своими. Невольно встаютъ передъ нимъ видѣнныя имъ печальныя картины бѣдности, разоренія и темнаго невѣжества родной страны, и съ горечью думаетъ вѣрный царскій слуга:

„Въ чужихъ земляхъ люди живутъ лучше нашего, много знаютъ, и не мѣшало бы намъ кое чему поучиться у нихъ“.

ГЛАВА IV.

Жизнь знатнаго человѣка въ 17 вѣкѣ.

Привыкнувъ въ Нѣмецкой слободѣ къ свободной, веселой жизни иноземцевъ, къ ихъ любопытнымъ разсказамъ, къ шумнымъ бесѣдамъ, Матвѣевъ скучалъ въ обществѣ русскихъ людей. Ему не нравилась уже ихъ жизнь, которая была очень скучна и однообразна. Особеннымъ же однообразіемъ и скукой въ то время отличалась жизнь знатныхъ людей, не исключая и царя. Все время ихъ большею частью проходило въ ѣдѣ, да въ молитвѣ.

Проснувшись въ четыре часа утра, царь обыкновенно отправлялся въ крестовую, въ которой молебный иконостасъ, весь установленный иконами, богато украшенными золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями, былъ освѣщенъ множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчей. Здѣсь ожидалъ Государя духовникъ или крестовый попъ; онъ благословлялъ его крестомъ и начиналъ утреннюю молитву. Затѣмъ царь слушалъ заутреню, иногда и раннюю обѣдню. Такъ начинали свой день и всѣ русскіе люди того времени. У болѣе зажиточныхъ были въ домахъ крестовыя комнаты, гдѣ домохозяинъ читалъ утреннія молитвы домочадцамъ. А у знатныхъ богатыхъ бояръ, у которыхъ были

домовыя церкви, ежедневно совершалась и заутреня. Послѣ молитвы всѣ отправлялись къ своимъ обычнымъ занятіямъ: купецъ шелъ въ лавку, приказный—на должность, а бояринъ—къ Государю. Бояре, окольничьи и думные люди обязаны были каждый день являться во дворецъ „бить челомъ Государю". Старые бояре пріѣзжали въ колымагахъ, помоложе—верхомъ. На царскій дворъ никто не смѣлъ въѣзжать. Вздумай бояринъ проѣхать по двору, его за это лишатъ чина и посадятъ въ тюрьму. Оставивъ лошадей у воротъ, бояре пѣшкомъ отправлялись во дворецъ. А передъ дворцомъ на крыльцѣ давно уже стояла толпа людей менѣе знатныхъ. Здѣсь слышались громкіе разговоры, шумъ и крикъ. Не отличались мягкимъ, миролюбивымъ характеромъ тогдашніе русскіе люди и всегда готовы были завести другъ съ другомъ ссору и драку. Ихъ не сдерживала даже и близость Государя. Встрѣтятся на дворцовомъ крыльцѣ случайно два врага и не стерпятъ. Одинъ скажетъ другому что нибудь обидное, или взглянетъ на него „звѣроподобно"; тотъ не выдержитъ, разгорится его сердце, и скажетъ онъ своему противнику:

„Вишь ты, чванится тоже; а отецъ-то твой—лаптемъ щи хлебалъ".

Слово за слово, поругаются, всю родню другъ у друга переберутъ, да хорошо еще, если тѣмъ

дѣло кончится. А то бываетъ, что и ударитъ одинъ другого, начнется драка, шумятъ, кричатъ, гоняются другъ за другомъ по крыльцу. Не разъ царю приходилось выслушивать челобитныя отъ лицъ, которымъ были нанесены тяжелыя увѣчья у него на крыльцѣ.

Самые знатные бояре не останавливались на крыльцѣ; они шли дальше въ переднюю, и здѣсь въ ожиданіи царскаго выхода вполголоса вели между собою разговоры. А въ царствованіе Алексѣя Михайловича было о чемъ поговорить. Тяжелыя войны съ Польшей, волненія въ Малороссіи, народныя возмущенія въ Псковѣ и въ Новгородѣ, бунтъ Стеньки Разина, ссора Государя съ патріархомъ Никономъ, какой еще не было ни при одномъ царѣ, — все это были важныя событія, о которыхъ можно было потолковать. И толковали о нихъ бояре всякъ по своему.

„А вся бѣда, говорили одни, оттого, что отступили мы отъ дѣдовскихъ обычаевъ, наѣхало къ намъ нѣмцевъ множество, разсказываютъ про свои порядки, только смущаютъ людей. Вонъ бояринъ Ординъ-Нащокинъ,—продолжали они, еще болѣе понижая голосъ,—совсѣмъ передался на ихъ сторону, всѣмъ недоволенъ, все свое бранитъ, толкуетъ, что въ чужихъ земляхъ люди живутъ лучше, что и намъ надо многое перенять у нихъ“.

„Да, подтверждали другіе, поглаживая длинныя бороды и боязливо поглядывая на дверь, которая вела въ царскіе покои, большую силу взяли иноземцы, добра не жди, а что подѣлаешь; царь на что ужъ благочестивъ, а тоже жалуетъ ихъ; теперь то и дѣло посылаетъ за Артамономъ Матвѣевымъ, а у Матвѣева не хуже Нащокина только и рѣчи, что про иноземные порядки, цѣлые дни сидитъ въ Нѣмецкой слободѣ, а придетъ къ царю, сейчасъ ему обо всемъ, что тамъ услышитъ, докладываетъ; все у насъ не такъ, все надо измѣнить, передѣлать по иноземному, а царь слушаетъ, соглашается“...

Но въ эту минуту въ сосѣднихъ покояхъ раздавался шумъ, дверь отворялась и появлялся царь. Онъ выходилъ къ боярамъ въ тафьѣ или шапкѣ. Бояре кланялись государю въ землю, иногда по нѣскольку разъ сряду.

Царь отвѣчалъ на ихъ поклоны, не снимая шапки, и часто подолгу бесѣдовалъ съ ними. Бояре слушали стоя; кто устанетъ, пойдетъ посидитъ на крыльцѣ и снова придетъ. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ съ царемъ шли въ придворную церковь. Послѣ обѣдни возвращались въ переднюю, здѣсь царь слушалъ доклады, челобитныя, давалъ рѣшенія, производилъ судъ. Во время слушанія дѣлъ бояре не смѣли садиться. Разъ въ недѣлю Государь назначалъ „сидѣнье съ бояры“, засѣданіе

Боярской думы. Тогда бояре разсаживались по лавкамъ, поодаль отъ царя, и всѣ вмѣстѣ начинали рѣшать дѣла.

Царь спрашивалъ совѣта у бояръ, приказывалъ имъ подумать, сказать свое мнѣніе. Бояре говорили, даже спорили между собою, но дѣла рѣшались, какъ угодно было царю. Затѣмъ составлялся приговоръ, дьяки записывали, прибавляя слова: „Государь указалъ, и бояре приговорили". Засѣданіе кончалось къ 12 часамъ, бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжались по домамъ и садились обѣдать. Отличаясь большимъ гостепріимствомъ, они часто приглашали къ столу своихъ родственниковъ и знакомыхъ.

На такомъ званомъ обѣдѣ подавалось отъ 50 до 100 блюдъ,—не мудрено, что обѣдъ тянулся очень долго. Русскій человѣкъ любилъ сытно покушать, а главное хорошо выпить. Порокъ пьянства былъ очень распространенъ въ то время на Руси; пили много и пили всѣ: и знатные люди, и простой народъ, и духовенство. Послѣ обѣда всѣ ложились отдыхать. Послѣобѣденный сонъ требовался обычаемъ, отступать отъ котораго считалось чуть ли не грѣхомъ. Поэтому спали всѣ. Въ это время Москва словно вымирала; ни одной живой души нельзя было встрѣтить на улицѣ, торговля прекращалась, лавки запирались. Такая тишина продолжалась часа два, три. Ударяли къ

вечернѣ, и всѣ спѣшили въ церковь. Бояре снова отправлялись къ царю, но уже недолго оставались тамъ. Возвратившись домой, они проводили вечеръ въ кругу близкихъ знакомыхъ, среди разныхъ удовольствій. Любимой забавой русскаго человѣка того времени были шуты, шутихи, карлы, карлицы. Они пѣли пѣсни передъ бояриномъ, кувыркались, кусались, дрались — все это очень забавляло боярина; онъ громко смѣялся, если они дрались до крови, корчились отъ боли, охали и стонали. Ему и въ голову не приходило, что бѣдный шутъ такой же человѣкъ, что потѣшаться надъ нимъ грѣшно, что нельзя ради своей забавы заставлять его страдать. Вдоволь натѣшившись, бояринъ шелъ ужинать; послѣ ужина снова зажигались лампады, благочестивый хозяинъ совершалъ въ кругу своихъ домочадцевъ вечернее моленье, а затѣмъ ложился спать. У изголовья его садился сказочникъ, заводилъ сказку; подъ звуки его тихаго, однообразнаго голоса засыпалъ наконецъ бояринъ, а сказочникъ на цыпочкахъ выходилъ изъ комнаты.

Самъ царь Алексѣй Михайловичъ очень любилъ такихъ сказочниковъ и держалъ во дворцѣ стариковъ, которымъ было по сту лѣтъ отъ роду, и въ долгіе зимніе вечера любилъ слушать ихъ разсказы о далекой старинѣ.

ГЛАВА V.

Смерть царицы Марьи Ильинишны. — Бесѣды царя съ Матвѣевымъ и ихъ сближеніе.

Въ 1669 году рѣдкіе печальные удары колокола возвѣстили Москвѣ о кончинѣ супруги Алексѣя Михайловича Марьи Ильинишны. Царь горячо любилъ свою жену и горько оплакивалъ ея смерть. Заказавъ по ней поминовенья во всѣхъ московскихъ церквахъ и монастыряхъ, онъ устроилъ ей великолѣпныя похороны. Когда возвратился Алексѣй Михайловичъ въ свои палаты, то царскій дворецъ показался ему скученъ и съ грустью глядѣлъ овдовѣвшій царь на дѣтей своихъ, оставшихся сиротами.

Пріѣзжавшіе по вечерамъ бояре не могли разогнать тоску царя. Что новаго и веселаго могли разсказать ему эти старые люди, которые часто ничего не видали, кромѣ своихъ хоромъ.

Разсѣянно бывало слушаетъ ихъ Алексѣй Михайловичъ и нетерпѣливо поглядываетъ на дверь. Вдругъ лицо его оживляется, радостная улыбка пробѣгаетъ по губамъ. Въ комнату входитъ Артамонъ Сергѣевичъ.

Не даромъ бояре съ неудовольствіемъ говорили между собою въ передней, что царь жалуетъ не-

знатнаго, неродовитаго Матвѣева. Въ послѣднее время онъ часто сталъ появляться во дворцѣ. Умный, ловкій - онъ старался ладить съ боярами, держалъ себя скромно, ни къ кому въ дружбу не навязывался; въ царской передней заговоритъ съ нимъ знатный бояринъ, онъ отвѣтитъ разумно, тихо, самъ въ разговоры не лѣзетъ. И не успѣли оглянуться знатные царедворцы, какъ Матвѣевъ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ царскихъ палатахъ.

Съ каждымъ днемъ Алексѣй Михайловичъ сильнѣе и сильнѣе привязывался къ нему. Его умная, бойкая рѣчь, его разсказы о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, доставляли большое удовольствіе Государю. Алексѣй Михайловичъ скучалъ безъ него, а по вечерамъ, если Матвѣевъ долго не приходилъ, самъ посылалъ за нимъ.

Въ своихъ бесѣдахъ съ царемъ Артамонъ Сергѣевичъ охотнѣе всего, конечно, говорилъ о томъ, что его самого занимало. Приходя изъ Нѣмецкой слободы, онъ оживленно, съ увлеченіемъ передавалъ царю разсказы иностранцевъ о житьѣ-бытьѣ заморскомъ.

Царь съ любопытствомъ прислушивался къ рѣчамъ своего собесѣдника. „Куда лучше нашего живутъ въ чужихъ земляхъ люди, и порядки ихъ лучше и жизнь богаче и веселѣе", такъ оканчивалъ всегда Матвѣевъ свои разсказы.

Алексѣй Михайловичъ задумывался. Онъ хорошо видѣлъ неустройство своего государства и съ горечью спрашивалъ себя: „почему же у другихъ лучше, почему въ чужихъ земляхъ жизнь привольнѣе“?

Матвѣевъ ловилъ вопросительный взглядъ царя и, угадывая его мысли, говорилъ:

„А все, Государь, оттого, что негдѣ намъ учиться. Нѣтъ у насъ школъ, мало учителей хорошихъ, книгъ полезныхъ. Знатные бояре и тѣ путемъ читать не умѣютъ, а о прочихъ и говорить нечего. То ли дѣло въ нѣмецкихъ земляхъ. Тамъ люди давно сознали пользу науки, всему учатся, все знаютъ. Самъ видишь — понадобится намъ мастеръ, заводчикъ или лѣкарь, сейчасъ въ Нѣмецкую слободу бѣжимъ. А давно бы пора самимъ поучиться“...

Царь грустно опускалъ голову. Онъ понималъ, что русскіе во всемъ отстали отъ европейцевъ, что многому имъ нужно учиться у иностранцевъ, его манилъ къ себѣ этотъ ученый западъ... Матвѣевъ замѣчалъ облачко, набѣжавшее на лицо царя, и спѣшилъ разогнать его.

„А я тебѣ, Государь, подарокъ приготовилъ, останешься доволенъ“.

Царь быстро поднялъ голову, на лицѣ его выразилось удовольствіе. Вѣрно, опять о какой нибудь заморской новинкѣ заговоритъ съ нимъ Ар-

тамонъ Сергѣевичъ, и глаза его загорѣлись любопытствомъ.—„Вчера одинъ мой пріятель нѣмецъ только что отдѣлалъ карету — недурна вещь! Вся черная, стекла хрустальныя, верхъ раскрывается на двое, и ѣхать въ ней куда удобнѣе, чѣмъ въ нашихъ колымагахъ. Завтра утромъ она будетъ у тебя.“

Царь былъ доволенъ. Онъ привѣтливо улыбнулся Матвѣеву и проговорилъ:

„Спасибо, другъ Сергѣичъ, люблю я эти иностранныя вещи. Нѣмцы—народъ хитрый, плохого не выдумаютъ“.

Подобныя бесѣды часто велись между царемъ и Матвѣевымъ. Такихъ людей какъ Артамонъ Сергѣевичъ было тогда немного въ Россіи. Большинство же съ враждой относилось къ Нѣмецкой слободѣ, осуждало склонность къ „иноземщинѣ“, видѣло въ этомъ отступленіе отъ святой старины.

Неудивительно поэтому, что Алексѣй Михайловичъ, самъ склонный къ „иноземщинѣ“, очень дорожилъ своимъ новымъ другомъ и однажды, провожая его, сказалъ, что какъ нибудь самъ заѣдетъ къ нему посмотрѣть на его житье-бытье.

———

ГЛАВА VI.

Посѣщеніе царемъ Матвѣева. -„Новшества“ въ домѣ Матвѣева.— Знакомство царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной и женитьба на ней.

Царь скоро исполнилъ свое обѣщаніе и навѣстилъ своего друга.

Матвѣевъ жилъ очень скромно, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, близъ церкви Николая Чудотворца на столпахъ. Но житье его во многомъ отличалось отъ житья тогдашнихъ русскихъ людей. И обстановка его дома была иная.

Алексѣй Михайловичъ, войдя въ горницу, по обычаю того времени помолился на образа, которые занимали весь передній уголъ. Образа считались въ то время лучшимъ украшеніемъ горницъ и у зажиточныхъ людей сіяли золотомъ и драгоцѣнными камнями. Но у Матвѣева кромѣ образовъ въ горницѣ находилось много картинъ, на стѣнѣ красовалось зеркало, висѣли часы. И картины, и часы, и зеркало были тогда новинкой; большинство бояръ называли ихъ басурманской „иноземной прелестью“ и считали грѣхомъ держать ихъ въ своихъ хоромахъ.

Чрезвычайно изумился Алексѣй Михайловичъ, когда черезъ полчаса послѣ его прихода дверь

отворилась, и въ комнату вошла женщина съ умнымъ привѣтливымъ лицомъ—жена Артамона Сергѣевича и вступила съ гостемъ въ бесѣду. Это было тогда совсѣмъ невиданнымъ дѣломъ.

Русскіе люди того времени, въ особенности болѣе знатные, держали женщинъ взаперти. Они отводили имъ отдѣльные покои наверху. Въ своихъ высокихъ теремахъ уединенно и тоскливо проводили свою жизнь жены и дочери боярскія, занимаясь рукодѣліемъ. Изъ терема онѣ никуда не выходили. Считалось непристойнымъ для женщины, если ее увидитъ кто нибудь изъ постороннихъ, въ особенности изъ мущинъ. Даже близкіе родственники, братья, зятья и тѣ не допускались въ теремъ.

За женскими покоями находился садъ или дворъ, обнесенный очень высокимъ заборомъ. Здѣсь только и могли прогуливаться жена и дочери хозяина. Иногда, и то въ большіе праздники, боярыни и боярышни ѣздили въ церковь или куда нибудь на богомолье. Но это путешествіе онѣ совершали въ закрытыхъ со всѣхъ сторонъ колымагахъ, чтобы никто не могъ ихъ разглядѣть. Къ гостямъ боярина ни жена, ни дочери запросто не выходили. Если къ обѣду, или къ ужину приходилъ случайно посторонній человѣкъ, женщины спѣшили къ себѣ въ теремъ и больше уже не появлялись въ мужскихъ покояхъ.

Только на званыхъ обѣдахъ, если хозяинъ хотѣлъ особенно почтить гостей, онъ призывалъ жену и приказывалъ ей ударить челомъ гостямъ. Она являлась въ богатомъ нарядѣ, за нею слуги несли вино и чарки. Хозяйка кланялась гостямъ въ поясъ, гости отвѣчали ей земнымъ поклономъ. Подойдя къ самому почетному гостю, она подчивала его виномъ, причемъ отвѣдывала сперва сама изъ той чарки, которую подносила. Потомъ она шла переодѣваться и уже въ другомъ богатомъ нарядѣ подходила къ слѣдующему гостю. Это переодѣванье въ новыя платья происходило передъ подчиваньемъ каждаго гостя. Такъ русскіе люди любили при всякомъ удобномъ случаѣ похвастаться своимъ богатствомъ. Затѣмъ хозяинъ билъ челомъ дорогимъ гостямъ, чтобы они цѣловали его жену. Гости подходили по очереди, цѣловали хозяйку, которая, молча, потупивъ глаза и опустивъ голову, стояла у стѣны.

Исполнивъ этотъ обрядъ, жена хозяина снова удалялась въ свои покои.

Такая затворническая жизнь женщинъ не привела ни къ чему хорошему. „Гдѣ больше строгости, тамъ больше и грѣха“, справедливо говоритъ поговорка. Не имѣя никакихъ занятій, изнывая отъ скуки, онѣ все время проводили въ сплетняхъ, въ ссорахъ между собою, большинство отъ нечего дѣлать предавались пьянству и пили не

меньше мужчинъ. Чтобы какъ нибудь поглядѣть на свѣтъ Божій, женщины пускались на хитрости, подкупали прислужницъ, часто обманывали мужей, тайкомъ заводили знакомство съ чужими мужчинами.

У иностранцевъ не было такого обычая—запирать женщинъ. Бывая въ Нѣмецкой слободѣ, Матвѣевъ привыкъ видѣть, что ихъ жены и дочери свободно выходили къ гостямъ и занимали ихъ бесѣдой. Здѣсь же нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ познакомился съ дочерью одного шотландца, на которой и женился.

Артамонъ Сергѣевичъ, давно уже порицавшій обычаи и порядки древне-русской жизни, охотно подчинился вліянію иностранки-жены, которая завела въ его домѣ новые порядки.

Не забавлялъ Матвѣевъ своего высокаго гостя ни шутами, ни сказочниками, а время прошло незамѣтно для Алексѣя Михайловича въ разумной, пріятной бесѣдѣ съ умнымъ начитаннымъ хозяиномъ и радушной хозяйкой.

Разъ какъ то царь заѣхалъ къ Матвѣеву вечеромъ и, войдя въ горницу, увидѣлъ возлѣ стола молодую дѣвушку, которая прилежно занималась рукодѣліемъ. Она поклонилась гостю. Алексѣй Михайловичъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на ея красивое лицо съ большими карими глазами, опущенными длинными рѣсницами, на ея ро-

скошную темнорусую косу. И по уходѣ дѣвушки обратился къ Матвѣеву:

„Что же это ты, Сергѣичъ, не сказалъ мнѣ, что кромѣ сына у тебя есть дочь, да еще какая красавица!“

„Да это не дочь мнѣ, а воспитанница, — отвѣчалъ улыбаясь Артамонъ Сергѣевичъ, — съ одиннадцати лѣтъ живетъ у меня. Отецъ ея Кириллъ Полуэктовичъ Нарышкинъ, дворянинъ старинпаго рода, мой сослуживецъ“.

За ужиномъ царь ласково поглядывалъ на Наталью Кирилловну; красивая, скромная дѣвушка очень понравилась ему. Со смерти Марьи Ильиничны прошло больше года; Алексѣй Михайловичъ начиналъ уже тяготиться своимъ одиночествомъ и уже не разъ подумывалъ о вторичной женитьбѣ. Эта мысль еще крѣпче засѣла въ его головѣ, когда увидѣлъ онъ красивую воспитанницу Матвѣева. Съ этихъ поръ царь все чаще и чаще заходитъ въ домъ своего друга. Однажды, когда они были вдвоемъ, онъ вдругъ весело сказалъ:

„Знаешь что, Сергѣичъ, такой красивой дѣвушкѣ, какъ Наталья Кирилловна, нечего долго засиживаться, я пріискалъ ей жениха“.

„Кого же, Государь?“ спросилъ Матвѣевъ, которому очень хотѣлось пристроить за хорошаго человѣка свою воспитанницу.

„Женихъ хорошій, добрый, богатый, знатнаго рода“, продолжалъ улыбаясь Алексѣй Михайловичъ.

„Шутишь, Государь, она дѣвушка хоть и хорошая, но бѣдная“...

Но царь не шутилъ. Положивъ руку на плечо своего друга, онъ вдругъ пересталъ улыбаться и серьезно проговорилъ:

„Полюбилась мнѣ твоя Наталья Кирилловна, я самъ хочу жениться на ней“...

Въ первую минуту Матвѣевъ не могъ слова выговорить отъ изумленія. Онъ недовѣрчиво поглядѣлъ на царя, но лицо Алексѣя Михайловича по прежнему оставалось серьезнымъ.

„Что же, согласенъ выдать ее за меня?“ снова улыбаясь спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

„Такого счастья, Государь, ни мнѣ, ни Наташѣ и во снѣ не снилось“, проговорилъ наконецъ Артамонъ Сергѣевичъ, придя въ себя отъ удивленія.

Затѣмъ разговоръ зашелъ о свадьбѣ. Матвѣевъ былъ человѣкъ осторожный.

„У меня не мало враговъ, Государь, сказалъ онъ, одни косятся на меня за мою любовь къ иноземному, другіе завидуютъ моей дружбѣ съ тобой. Что будетъ, когда узнаютъ, что ты женишься на моей воспитанницѣ? скажутъ, что я самъ тебѣ навязалъ ее. Какъ хочешь, Государь, по [illegible]

**

ступи по старинному обычаю, какъ дѣлали цари, и какъ ты самъ дѣлалъ при женитьбѣ на Марьѣ Ильиничнѣ".

Матвѣевъ говорилъ о старинномъ обычаѣ русскихъ царей. Обыкновенно, задумавъ жениться, они сообщали объ этомъ своимъ приближеннымъ и приказывали имъ свозить въ Москву отовсюду дочерей боярскихъ и дворянскихъ. Въ назначенный день царь дѣлалъ имъ смотръ и выбиралъ себѣ невѣсту. Избранную дѣвушку сейчасъ же брали во дворецъ, наряжали въ драгоцѣнныя одежды и здѣсь на женской половинѣ она подъ именемъ „царевны" жила, не видя царя до самой свадьбы.

„Правда твоя, Сергѣичъ, сказалъ царь, отступать отъ стараго обычая незачѣмъ, собери дѣвицъ на смотръ".

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого разговора были собраны шестьдесятъ красивѣйшихъ дѣвушекъ. Выборъ Алексѣя Михайловича палъ на Нарышкину.

Бракъ царя былъ всегда важнымъ событіемъ въ жизни русскихъ бояръ и дворянъ. Родственники жены дѣлались ближайшими людьми царя, его совѣтниками, имъ раздавалъ царь важнѣйшія должности, осыпалъ ихъ своими милостями. Всѣмъ, понятно, хотѣлось удостоиться такой чести, и каждый отецъ, отправляя свою дочь на смотръ, втайнѣ надѣялся сдѣлаться царскимъ тестемъ.

И не напрасно опасался Матвѣевъ людской вражды. Лишь только разнеслась вѣсть, что царской невѣстой наречена Наталья Кирилловна, бояре заволновались. Въ нихъ заговорили зависть и недоброжелательство къ любимцу царя — къ этому новому человѣку, осуждавшему ихъ старинные обычаи.

„Не бывать этому, говорили они съ негодованіемъ; ничего добраго не принесетъ этотъ бракъ. Царь и теперь души не чаетъ въ Матвѣевѣ, ничего не дѣлаетъ безъ его совѣта. Что же будетъ, когда онъ женится на его воспитанницѣ. Совсѣмъ завладѣетъ царемъ этотъ „басурманъ", все будетъ передѣлывать на иноземный ладъ".

Противъ Матвѣева начались козни съ цѣлью помѣшать этому браку. Въ тѣ времена существовало одно вѣрное средство погубить человѣка: стоило только обвинить его въ чародѣйствѣ. Не только простой народъ, но и бояре и царь вѣрили въ колдуновъ, въ знахарей, которые будто бы знались съ нечистой силой. Достаточно было сказать про кого-нибудь, что онъ занимается волшебствомъ, какъ тотчасъ начинался розыскъ; этого человѣка пытали и часто ссылали въ отдаленные города.

На это разсчитывали теперь враги Матвѣева. Были подброшены царю неизвѣстно кѣмъ написанныя письма; въ нихъ говорилось, что Матвѣевъ чародѣй, что у него въ домѣ хранится множество

всякихъ травъ, съ помощью которыхъ онъ насылаетъ порчу на людей.

На этотъ разъ бояре ошиблись. Крѣпко любилъ царь своего друга. Онъ не повѣрилъ доносу и 22 января 1671 года женился на Натальѣ Кирилловнѣ. Вслѣдъ за нею появилась во дворцѣ ея родня—Нарышкины. Отецъ новой царицы былъ сдѣланъ бояриномъ, братья взяты на службу ко двору. Матвѣевъ также получилъ санъ боярина.

ГЛАВА VII.

Матвѣевъ назначается начальникомъ Посольскаго приказа. — Дѣятельность этого приказа.

Вскорѣ послѣ свадьбы Алексѣй Михайловичъ приказалъ Матвѣеву вѣдать Посольскій приказъ.

Среди многочисленныхъ приказовъ Посольскій приказъ занималъ видное мѣсто, онъ вѣдалъ всѣ сношенія русскаго государства съ иноземными державами.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича были заведены сношенія со многими иноземными государствами: съ Италіей, Испаніей, Голландіей и другими. То и дѣло въ Москву являлись посольства отъ чужихъ государей. Царь Алексѣй Михайловичъ дорожилъ славой своего государства въ чужихъ земляхъ, и пріемъ чужеземныхъ пословъ

былъ для него настоящимъ праздникомъ. По старинному русскому обычаю ихъ принимали очень торжественно и съ большими церемоніями.

Посолъ, изъ какой бы земли онъ ни пріѣхалъ, подъѣзжая къ границамъ Московскаго государства, посылалъ гонца въ ближайшій городъ. Начальникъ города, подробно выспросивъ гонца, отъ какого государя посолъ, отправлялъ ему на встрѣчу чиновника съ большимъ запасомъ ѣды и питья. Посолъ въѣзжалъ въ городъ. Его съ почетомъ встрѣчали воеводы, бояре и другіе служилые люди. А тѣмъ временемъ въ Москву уже скачетъ гонецъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ иностранныхъ гостей. Оживаетъ столица, на улицахъ шумъ, движеніе, всѣ радуются, всѣ готовятся къ встрѣчѣ.

По всѣхъ радостнѣе самъ Государь Алексѣй Михайловичъ. Любитъ онъ лишній разъ выказать величіе своей власти, любитъ похвастаться передъ иноземцами великолѣпіемъ своего двора и отдаетъ приказъ какъ можно пышнѣе и торжественнѣе встрѣтить гостей. Больше всего боится русскій царь, какъ бы не уронить свое царское достоинство передъ чужеземцами. Призвавъ стольника и дьяка, онъ строго наказываетъ имъ:

„Ѣдете вы встрѣчать иноземныхъ гостей, смотрите же — не снимайте передъ ними своихъ шапокъ, не слѣзайте съ коней прежде ихъ. Не при-

стало посламъ русскаго царя стоять передъ чужеземцами безъ шапокъ и держать рѣчь послѣ ихъ".

Дьякъ и стольникъ строго исполняютъ приказъ своего государя. Приглашая пословъ пересѣсть на царскихъ коней, они ни за что первые не вылѣзутъ изъ повозокъ. Но и посламъ чужеземнымъ не хочется тоже уронить передъ русскими достоинство своего государя.

„Пусть сойдутъ прежде послы московскіе", говорятъ они.

Но послы московскіе упорно отказываются. Споръ продолжается долго. Обыкновенно иностранцы, выведенные изъ терпѣнья упрямствомъ русскихъ, уступятъ и первые сойдутъ съ лошадей. Тогда и русскіе вылѣзутъ изъ повозокъ; подойдя къ гостямъ, они привѣтствуютъ ихъ отъ имени русскаго царя. Затѣмъ начинаютъ разсаживаться. Подымается новый споръ, кому ѣхать съ правой стороны: послу или стольнику. Иностранцы уступаютъ и ѣдутъ съ лѣвой.

Наконецъ достигаютъ Москвы. А въ столицѣ давно уже все готово. Съ утра толпы народа снуютъ по улицамъ. Еще вчера служилые люди оповѣщали жителей окрестныхъ селъ и деревень.

„Ждетъ великій Государь къ себѣ иноземныхъ пословъ и приказываетъ онъ вамъ нарядиться въ ваши лучшіе праздничные наряды и идти завтра въ Москву для встрѣчи иноземныхъ гостей".

И огромныя толпы народа, разодѣтыя по праздничному, спѣшили въ столицу. Размѣщая ихъ по улицамъ, площадямъ и крышамъ домовъ, зорко высматриваютъ служилые люди, нѣтъ ли кого между ними въ рубищѣ и въ лохмотьяхъ. Такого выгоняли изъ города, или давали ему хорошее платье. А дѣлалось это для того, чтобы иностранцы разсказывали на своей родинѣ, что русскіе - народъ богатый.

Но вотъ давно ожидаемые гости въѣзжаютъ въ Москву. Съ трудомъ пробираются они между огромными толпами разряженнаго народа. На встрѣчу имъ идутъ служилые царскіе люди и торговые — всѣ въ лучшихъ одеждахъ. По улицамъ рядами выстроилось войско. Всѣ лавки и мастерскія закрыты.

Русскому царю не подобало присутствовать при встрѣчѣ пословъ. Но Алексѣй Михайловичъ любилъ всякія празднества, любилъ блескъ и пышность. Любопытно ему было взглянуть на торжественный въѣздъ гостей. Съ царицей и дѣтьми садился онъ въ какомъ нибудь скрытомъ мѣстѣ, откуда можно было наблюдать въѣздъ пословъ.

Прибывшихъ гостей вели на Посольскій дворъ, куда приносили имъ ѣду, напитки и все необходимое. Здѣсь они ожидали, когда ихъ позовутъ къ Государю. На третій, на четвертый день, а иногда и позднѣе, изъ дворца приходили за ними цар-

скіе люди. Послы садились на коней и отправлялись. Шествіе ихъ во дворецъ было не менѣе торжественно. Тѣ же громадныя толпы народа, сквозь которыя они едва могутъ пробраться. Тѣ же ряды войскъ, которые выстроились по улицамъ со своими знаменами. Передъ послами несли подарки отъ чужеземнаго государя русскому царю. Не доѣзжая до царскаго двора ихъ просятъ сойти съ лошадей и снять свое вооруженіе и тогда ихъ ведутъ по лѣстницѣ во дворецъ, гдѣ въ тронной залѣ ожидаетъ ихъ царь.

Съ изумленіемъ смотрятъ иностранные гости на великолѣпіе царскаго одѣянія, на роскошную одежду его приближенныхъ бояръ. Длинное платье русскаго царя изъ дорогой золотой матеріи усыпано жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. На головѣ его вѣнецъ, опушенный соболемъ, сверкалъ алмазами, изумрудами, яхонтами. Бархатные башмаки Государя богато унизаны жемчугомъ. Въ рукахъ его жезлъ, украшенный золотомъ и каменьями. По обѣимъ сторонамъ царя стояли рынды *), одѣтые въ бѣлое платье, затканное серебромъ и подбитое горностаями, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ. Золотыя цѣпи украшали ихъ грудь, на плечахъ они держали серебряные топорики. И не

*) Такъ назывались очень красивые юноши, которые въ торжественныхъ случаяхъ всегда сопровождали царя.

знали иноземцы, чему больше удивляться: ихъ ли красивому, дорогому наряду, или тому терпѣнію, съ которымъ они впродолженіе нѣсколькихъ часовъ стояли неподвижно на одномъ мѣстѣ. Нѣсколько поодаль сидѣли знатные бояре въ золотыхъ кафтанахъ и высокихъ шапкахъ.

Послы подходили къ царю, привѣтствовали его, передавали поклонъ отъ своего государя и подносили ему подарки. Царь принималъ дары, допускалъ ихъ къ своей рукѣ, спрашивалъ о здоровьѣ ихъ государя, освѣдомлялся о цѣли прибытія и затѣмъ отпускалъ ихъ.

Но не всегда такъ благополучно проходили эти пріемы. Такъ въ 1674 году прибыло въ Москву шведское посольство съ Густавомъ Оксенширномъ во главѣ. Въ назначенный день послы отправились во дворецъ. Русскіе потребовали, чтобы они вступили въ тронную залу безъ шпагъ и съ обнаженной головой. Послы согласились снять шпаги, но рѣшительно отказались обнажить головы.

„У насъ на это нѣтъ разрѣшенія отъ нашего короля“, говорили они.

Какъ ни убѣждали ихъ русскіе, они оставались непреклонны.

„Мы не хотимъ уронить достоинство нашего короля“, отвѣчали они на всѣ просьбы. Такъ въ этотъ день пріемъ пословъ и не состоялся. На

слѣдующій день послы просили позволенія отправить въ Швецію гонца къ королю, чтобы испросить его разрѣшенія.

Русскіе, раздраженные упорствомъ Оксенширна, не позволили. Раздоръ между русскими и шведами все усиливался, никто не хотѣлъ уступить; наконецъ царь приказалъ гостямъ отправляться домой.

„Это мы готовы сдѣлать“, отвѣчали они и начали готовиться къ отъѣзду.

Тогда русскіе стали уступчивѣе и позволили послать гонца въ Швецію. Путь былъ не близкій. Цѣлые два мѣсяца ждали возвращенія гонца, наконецъ онъ явился съ письмомъ, въ которомъ шведскій король приказывалъ своимъ посламъ исполнить требованіе русскаго царя. И только тогда шведы вступили въ тронную залу съ обнаженной головой. Такъ нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ пустыхъ пререканіяхъ и спорахъ изъ-за пустяковъ. И такіе случаи были нерѣдки.

Изъ тронной залы пословъ снова вели на Посольскій дворъ, за ними слѣдовалъ стольникъ съ разнымъ угощеніемъ. Отправляя его, царь еще разъ строго наказывалъ:

„Какъ будешь обносить пословъ виномъ, пей напередъ за здоровье русскаго царя, а потомъ ужъ за королевское“.

Русскіе люди того времени думали, что хорошій пріемъ и роскошное угощеніе состоятъ въ

томъ, чтобы напоить гостей до пьяна и предлагали посламъ пить за здоровье государя, его родственниковъ и другихъ знатныхъ людей. Пили такъ: тотъ, кто начиналъ, бралъ чашу и выступалъ на средину комнаты; стоя съ открытой головой, онъ говорилъ, за чье здоровье пьетъ и чего ему желаетъ. Затѣмъ опорожнивъ и перевернувъ чашу, онъ касался ею макушки, чтобы всѣ видѣли, что онъ выпилъ. Такимъ образомъ каждый долженъ былъ выходить на середину и возвращаться на свое мѣсто, опорожнивъ чашу. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ иноземные гости не напивались пьяными.

На посольскомъ дворѣ велись переговоры. Иноземные послы пріѣзжали въ Москву по разнымъ дѣламъ. Одни являлись искать дружбы русскаго царя, другіе—помощи его противъ враговъ, часто являлось посольство враждебнаго государства для мирныхъ переговоровъ, иные пріѣзжали для заключенія торговыхъ договоровъ.

Вести эти переговоры обязанъ былъ начальникъ приказа. Онъ же завѣдывалъ огромными суммами, которыя отпускались на пріемъ и угощенье пословъ, на подарки иноземнымъ гостямъ, на жалованье служащимъ въ Россіи иностранцамъ. Дѣла было не мало. Не даромъ на должность начальника посольскаго приказа назначали человѣка опытнаго, расторопнаго, честнаго и образованнаго.

„Кому же, какъ не Матвѣеву, можетъ по праву принадлежать это мѣсто?“ думалъ Алексѣй Михайловичъ, „онъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей, его честность всѣмъ извѣстна. Кто лучше его можетъ принять иноземцевъ, онъ привыкъ бесѣдовать съ ними въ Нѣмецкой слободѣ, приглядѣлся къ ихъ обычаямъ“.

Царь не ошибся. Сдѣлавшись начальникомъ посольскаго приказа, Матвѣевъ умѣло повелъ дѣло и производилъ на иноземныхъ пословъ пріятное впечатлѣніе. Они всѣ въ одинъ голосъ хвалили его умъ, честность, удивлялись его образованности и тому искусству, съ которымъ онъ велъ переговоры большею частью въ пользу своего Государя.

ГЛАВА VIII.

Заботы Матвѣева о книжномъ дѣлѣ.—Устройство аптеки. Матвѣевъ строитъ новый домъ.—Устройство театра.—Вражда къ Матвѣеву и Натальѣ Кирилловнѣ родственниковъ покойной царицы.

Кромѣ сношеній съ иноземными державами посольскій приказъ вѣдалъ еще книжное дѣло. Русскіе послы, отправляясь въ чужія земли, покупали тамъ книги, привозили ихъ съ собою, и здѣсь въ Посольскомъ приказѣ онѣ переводились.

Матвѣевъ обратилъ особенное вниманіе на это дѣло. Не даромъ въ своихъ бесѣдахъ съ царемъ онъ такъ часто говорилъ о пользѣ науки, не даромъ жаловался, что въ молодости, желая учиться, онъ не находилъ нужныхъ для этого книгъ. Получивъ завѣдываніе Посольскимъ приказомъ, онъ не жалѣлъ денегъ на покупку иностранныхъ книгъ, причемъ выбиралъ такія, которыя давали полезныя, пригодныя въ жизни свѣдѣнія. Ему удалось подыскать для этого дѣла ловкаго, дѣльнаго человѣка. Это былъ Николай Спафарій, валахъ по происхожденію, хорошо знавшій иностранные языки. Подъ руководствомъ Матвѣева была написана русская исторія, такъ называемая „Государственная большая книга“ съ портретами государей и патріарховъ. Была составлена исторія древнихъ царей—„Василіологіонъ“. Стараніемъ же Матвѣева была написана книга объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Среди полезныхъ книгъ, переводимыхъ при Матвѣевѣ съ иностраннаго на русскій языкъ, были также книги медицинскія. Въ то темное время не было ни докторовъ, ни аптекъ, а иностраннымъ лѣкарямъ не вѣрили. Матвѣевъ и тутъ пришелъ на помощь. Онъ выписывалъ лѣкарства, учредилъ первую въ Россіи аптеку и самъ завѣдывалъ ею.

Сдѣлавшись однимъ изъ важныхъ сановниковъ въ государствѣ, Матвѣевъ не загордился. Онъ по-

прежнему былъ ласковъ и обходителенъ со всѣми, готовъ былъ всякому оказать услугу, помочь въ бѣдѣ. Не измѣнилъ онъ и свой образъ жизни, попрежнему жилъ въ своемъ маленькомъ деревянномъ домикѣ. Царю, любившему пышность и великолѣпіе, такая простота не нравилась. Пріѣзжая къ Матвѣеву, онъ не разъ говорилъ ему:

„Пора тебѣ, Сергѣичъ, построить хорошій домъ. Стрѣлецкому головѣ можно было жить и въ твоемъ маленькомъ домикѣ, но начальнику Посольскаго приказа это не годится. Къ тебѣ являются послы чужихъ земель, принимать ихъ въ этихъ тѣсныхъ горницахъ не хорошо“. Но Матвѣевъ долго не соглашался.

„Государь, отговаривался онъ, зачѣмъ мнѣ большія хоромы? Да и самъ посуди: всякій знаетъ, что въ Посольскомъ приказѣ денегъ много. Заживи я на широкую ногу, сейчасъ найдутся завистники, скажутъ, что я пользуюсь казеннымъ добромъ“.

Но Царь не отставалъ и однажды сказалъ ему:

„Видно, съ тобой не сговоришь, Сергѣичъ, я самъ на свой счетъ прикажу построить тебѣ домъ“.

Матвѣеву не хотѣлось принять отъ царя такой подарокъ.

„Спасибо, Государь, сказалъ онъ. Я уже ско-

пилъ себѣ деньжонокъ и заготовилъ нужные матеріалы, скоро начну строить".

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого разговора Матвѣевъ приступилъ къ постройкѣ новаго дома. Но случилось такъ, что въ Москвѣ въ это время не было привознаго камня. Разсказываютъ, что стрѣльцы и простой народъ, прослышавъ объ этомъ, толпой пришли къ Матвѣеву.

„Мы слышали, бояринъ, что не достаетъ у тебя камня на постройку фундамента. Прими отъ насъ".

„Я подарковъ вашихъ не хочу, отвѣчалъ имъ Матвѣевъ, если есть у васъ лишній камень, продайте мнѣ его".

На слѣдующій день Артамонъ Сергѣевичъ съ удивленіемъ увидалъ на своемъ дворѣ огромное количество каменныхъ плитъ, снятыхъ съ могилъ.

„Ты не берешь отъ царя золотой казны, снова начали стрѣльцы, такъ прими отъ насъ, честной бояринъ, камни съ гробовъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ; имъ нѣтъ цѣны. Мы даримъ ихъ тебѣ — нашему благодѣтелю". Матвѣевъ былъ тронутъ такой любовью народа.

„За что это, что сдѣлалъ я вамъ"? дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ.

„За твою ласку, да за доброту благодаримъ тебя, прими эти камни".

„Я не заслуживаю такого подарка, пусть Государь разсудитъ".

Ласковой улыбкой засвѣтилось лицо Государя, когда онъ услыхалъ объ этомъ.

„Прими, Сергѣичъ, сказалъ онъ; видно любитъ тебя народъ. Я бы и самъ не отказался отъ такого подарка“.

Черезъ нѣсколько времени на мѣстѣ маленькаго домика Матвѣева возвышались богатыя каменныя палаты. Въ нихъ не стыдно было принять самаго знатнаго иностраннаго посла. Сюда чаще сталъ заѣзжать и царь съ царицей.

Сильно привязался Алексѣй Михайловичъ къ молодой женѣ, и большую силу взяла надъ нимъ Наталья Кирилловна. Въ домѣ своего воспитателя она не привыкла къ затворнической жизни, какую вели русскія царицы и царевны, и въ противность старымъ обычаямъ царь позволилъ ей выѣзжать изъ дворца. Народъ, никогда не видавшій прежде своихъ царицъ, съ удивленіемъ и со страхомъ глядѣлъ, какъ она ѣхала по улицѣ въ открытой каретѣ. Многіе набожно крестились.

„Пришли, видно, времена Антихриста“, въ ужасѣ шептали они.

Въ богатыхъ покояхъ, убранныхъ по европейскому, радушно принималъ Артамонъ Сергѣевичъ своихъ дорогихъ гостей и не разъ во время бесѣдъ съ царемъ заводилъ рѣчь о новой затѣѣ. Слышалъ онъ отъ иностранцевъ, что въ чужихъ

земляхъ люди давно тѣшатъ себя театральными представленіями.

„Пора бы, Государь, и у насъ завести“, говорилъ онъ. Сначала благочестивый Государь не соглашался, но молодая царица упросила. Да и самому ему любопытно было взглянуть на эту затѣю.

Матвѣевъ вызвалъ въ Москву странствующую нѣмецкую труппу Іогана Готфрида и приказалъ иноземнымъ актерамъ, музыкантамъ, „танцовщикамъ“ обучить своихъ дворовыхъ людей. Въ селѣ Преображенскомъ была устроена „комедійная хоромина“ а потомъ „комедійная палата“ въ кремлевскомъ дворцѣ. Царское мѣсто было на возвышеніи, обитое краснымъ сукномъ; за нимъ была устроена галлерея съ рѣшеткой для царскаго семейства, дальше шли мѣста для бояръ и прочихъ зрителей.

Тѣшили иноземные актеры русскаго царя, представляли, какъ Олоферну царю царица голову отсѣкла, а въ это время на органахъ играли нѣмцы и дворовые люди Матвѣева. Зрители смотрѣли на эти ужасы и плакали отъ жалости.

Полюбилась царю эта новая потѣха, больше пришлась по душѣ, чѣмъ шуты да карлы. Правда, эти представленья сначала смущали Алексѣя Михайловича.

„Не грѣшно ли тѣшиться этимъ“, думалъ благочестивый царь.

„У иноземныхъ государей давно уже при дворѣ введены такія увеселенія“, говорилъ Матвѣевъ; „Византійскіе императоры также допускали при своемъ дворѣ такія представленія“, говорилъ духовникъ царя, и Алексѣй Михайловичъ успокоился. На второмъ представленіи была сама царица Наталья. Представляли нѣмцы, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана.

Вышли изъ своихъ теремовъ и царевны—дочери Алексѣя Михайловича отъ покойной жены Марьи Ильиничны. Съ любопытствомъ глядѣли и онѣ на представленья и пляски. Только порой взоръ ихъ отрывался отъ актеровъ и танцовщиковъ, и онѣ бросали косые взгляды на молодую царицу. Совсѣмъ охладѣлъ къ нимъ отецъ послѣ женитьбы, рѣдко заглядываетъ въ ихъ дѣвичьи покои, и крѣпко не взлюбили за это царевны молодую мачиху.

„Захотѣлъ выдвинуться, подстроилъ женитьбу царя на своей воспитанницѣ“, думали онѣ про Матвѣева, и злоба и ненависть закипали въ ихъ сердцѣ противъ друга царя.

Враждебно глядѣли на молодую царицу и ея воспитателя родственники покойной Марьи Ильиничны — Милославскіе. При жизни царицы они свили себѣ теплое гнѣздышко во дворцѣ, а теперь новая родня царя — Нарышкины — занимаютъ видныя мѣста, Матвѣевъ отдаляетъ ихъ отъ царя.

„Вонъ Ивана Михайловича (Милославскаго) уда-

лилъ изъ Москвы, сослалъ на воеводство въ Астрахань, того и намъ ждать“, говорятъ они. Съ ними соглашается сильный въ то время бояринъ Богданъ Хитрово, на котораго не разъ жаловался царю Матвѣевъ, обвиняя его во взяточничествѣ и воровствѣ во время завѣдыванія приказомъ большого дворца. Всѣмъ имъ не любъ былъ честный, неподкупный бояринъ.

Но не страшна была ихъ вражда любимцу царя. Ему ли—воспитателю, почти отцу любимой жены Алексѣя Михайловича, бояться опалы и немилости. И спокойно заглядываетъ Артамонъ Сергѣевичъ въ будущее. Не думаетъ онъ пережить своего благодѣтеля; а если это и случится? Но эта мысль не пугаетъ Матвѣева. У царя изъ пяти сыновей отъ Марьи Ильиничны оставалось въ живыхъ только двое—Өеодоръ и Іоаннъ, но и эти слабы, болѣзненны, не переживутъ здороваго, крѣпкаго тѣломъ царя. А Натальѣ Кирилловнѣ Богъ послалъ сына, царевича Петра, здоровенькаго, крѣпкаго мальчика. Съ Божьей помощью онъ и будетъ царемъ земли русской послѣ смерти Алексѣя Михайловича. Не забудетъ царица Наталья своего благодѣтеля, не положитъ опалы на сѣдую голову заслуженнаго боярина и будущій царь Петръ, ея сынъ.

Такъ думалъ Матвѣевъ и не боялся ненависти

враговъ. Но Богъ судилъ иначе, и много горя и бѣдъ упало на голову Артамона Сергѣевича.

ГЛАВА IX.

Смерть царя Алексѣя Михайловича. - Вступленіе на престолъ Θеодора Алексѣевича.—Перемѣна въ судьбѣ Матвѣева.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1676 года царь Алексѣй Михайловичъ заболѣлъ. Болѣзнь усиливалась, и день ото дня царю становилось все хуже и хуже. Были отворены темницы и выпущены на свободу томившіеся тамъ узники; раздавалась обильная милостыня; по приказанію царя уплачивались долги за неоплатныхъ должниковъ; но никакія дѣла милосердія, никакія молебствія о здравіи царя не помогали, и роковой часъ приближался. Съ начала болѣзни царя никому и въ голову не приходила мысль о смерти далеко еще не стараго, въ полномъ расцвѣтѣ силъ Алексѣя Михайловича.

Быстро смѣнялись короткіе январскіе дни длинными, томительными для больного царя ночами, когда все засыпало; нигдѣ въ цѣлой Москвѣ не видиѣлось въ окнѣ привѣтливаго, яркаго огонька; улицы были плотно заперты рогатками, сквозь которыя нельзя было ни пройти, ни проѣхать; и лишь свободно по заснувшему городу гулялъ крѣпкій морозъ, пощелкивая и постукивая по тогдаш-

ней деревянной стройкѣ. Закутанныя фигуры часовыхъ медленно двигались по кремлевскимъ стѣнамъ, выкрикивая охрипшимъ на морозѣ голосомъ: „Славенъ стольный городъ Кіевъ", „Славенъ стольный городъ Черниговъ"....

Затѣмъ опять все тихо; тускло пробивается сквозь небольшія окна царскаго дворца свѣтъ отъ восковой свѣчки и слабо освѣщаетъ покрытую бѣлымъ снѣгомъ кровлю дворцоваго крыльца. Свѣтъ идетъ изъ царской опочивальни; на богатой постели лежитъ больной царь, онъ только что забылся тревожнымъ, безпокойнымъ сномъ. На лавкѣ, покрытой ковромъ, сидятъ дядьки царя: князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Куракинъ и бояринъ Иванъ Богдановичъ Хитрово; дрема долитъ престарѣлыхъ бояръ, и они съ трудомъ подымаютъ опускающіяся вѣки; въ сторонѣ, тоже на скамьѣ, сидятъ два доктора: Костеріусъ и Стефанъ Симонъ. Ближе къ кровати, у ногъ сидитъ бояринъ Матвѣевъ; которыя уже сутки онъ не смыкаетъ глазъ, но и сейчасъ сонъ далеко бѣжитъ отъ нихъ. Въ головѣ у боярина невеселыя думы, онѣ быстро смѣняются одна другой и ложатся тяжелымъ гнетомъ на сердце боярина. Вотъ онъ тихо встаетъ и подходитъ къ докторамъ и тревожнымъ шепотомъ спрашиваетъ:

„Степанъ и ты Костеріусъ, есть ли надежда, что поправится царь, или вы уже всѣ лѣкарства испробовали"?

Отвѣтъ докторовъ полурусскій, полуиностранный далеко не успокаиваетъ Артамона Сергѣевича. Онъ идетъ и садится на свое мѣсто. Разбуженные шепотомъ Матвѣева съ докторами, Куракинъ и Хитрово недовѣрчиво переглядываются.

Опять настаетъ мрачная, томительная тишина, прерываемая стонами больного, и снова тяжелыя думы овладѣваютъ Матвѣевымъ.

„Да, думаетъ бояринъ, умретъ мой благодѣтель и великое смятеніе начнется въ землѣ русской. Кто будетъ править? Ѳеодоръ? и молодъ и болѣзненъ, опять пронырливые, нечестные Милославскіе завладѣютъ всѣмъ; опять и казнокрадство и лихоимство усилятся. Что будетъ съ царицей Натальей, что съ малолѣтнимъ царевичемъ Петромъ? Іоаннъ, какъ и Ѳеодоръ, недолго надышетъ; вотъ Петръ — совсѣмъ малецъ, а шустрый; ему бы быть царемъ... Но хмурятся сѣдыя брови боярина: вспоминаетъ онъ о царевнахъ — дочеряхъ Марьи Ильиничны. Одна изъ нихъ — гордая, властная Софья не держится старыхъ обычаевъ, книги читаетъ, учится, толкуетъ о дѣлахъ государственныхъ. Умна царевна Софья, что и говорить, да ненавидитъ она мачиху, ненавидитъ маленькаго Петра. Вспоминаетъ Артамонъ Сергѣевичъ о Милославскихъ... Какими враждебными глазами всегда смотрѣли на него всѣ эти родичи покойной царицы. Съ какой сильной, хотя и скрытой враждой они относились къ Натальѣ Кирилловнѣ.

„Погубятъ падчерицы свою мачиху, не люба она имъ, охъ, какъ не люба! Изведетъ Софья Петра. О, Всевышній, о, Богъ Вседержитель, тихо молится бояринъ, кого же поставишь ты Державцемъ родной земли, смирителемъ ея супостатовъ и внутреннихъ, и внѣшнихъ; кто направитъ святую Русь на истинный путь просвѣщенья, кто ей дастъ умиротвореніе, кто"?...

Но страстный, хотя и беззвучный вопросъ боярина остается безъ отвѣта. Больной царь со стономъ повертывается на кровати, открываетъ свои прекрасные, выразительные глаза; но теперь въ нихъ нѣтъ жизни, она уходитъ куда-то. Онъ тихо стонетъ и снова смыкаетъ очи. Жутко въ царской опочивальнѣ и близка минута, когда роковая ея тишина огласится стонами и воплями... надъ холодѣющимъ трупомъ „тишайшаго" царя, какъ называлъ народъ Алексѣя Михайловича за его кроткій нравъ.

29 января въ 9 часовъ вечера, когда Москва отходила ко сну, гулко ударилъ колоколъ на колокольнѣ Успенскаго собора. Ударъ повторился и, когда послѣдовалъ третій и замеръ въ снѣжныхъ сугробахъ, всѣ, кто еще не спалъ, узнали печальную вѣсть: царя Алексѣя Михайловича не стало.

Сонная Москва зашевелилась; прошла тревожная ночь, и чуть забрезжило утро, толпы народа повалили къ кремлю; поѣхали бояре въ своихъ ко-

лымагахъ, — всѣ спѣшили отдать послѣдній долгъ „тишайшему" царю.

Умеръ царь Алексѣй Михайловичъ, и на престолъ вступилъ сынъ его, объявленный еще и раньше наслѣдникомъ престола, Өеодоръ Алексѣевичъ. Новый царь еще меньше своего отца зналъ, что дѣлается за кремлевскими стѣнами. Онъ не прочь былъ послушать, что ему приближенные бояре наговаривали, а они всѣ были враги Матвѣева: Милославскіе, Хитрово, Куракинъ, Волынскій. Всѣмъ имъ были ненавистны вдова царица Наталья Кирилловна, ея братья, ея воспитатели. Чуяло сердце Матвѣева недоброе, слышалъ онъ, что замышляютъ противъ него что-то его враги; но надѣялся старый бояринъ на свои заслуги, на свою правоту; а враги не дремали и ждали только удобнаго случая, чтобы погубить невиннаго старика, пока все еще завѣдывающаго Посольскимъ приказомъ.

Случай этотъ скоро представился. Уѣзжалъ изъ Москвы датскій посланникъ Монсъ-Гей, непутевый человѣкъ и великій пьяница. Часто его изъ гостей возили домой пьянаго, перекинувъ черезъ сѣдло, какъ какой-нибудь мѣшокъ, а мальчишки бѣжали за нимъ въ догонку и кричали: „пьяница, пьяница, шишъ на кокуй"! *). Монсъ-Гей, отъѣзжая изъ Москвы,

*) Кокуемъ называлась Нѣмецкая слобода.

подалъ на Матвѣева жалобу, что онъ ему не доплатилъ 500 рублей за доставленное ко двору рейнское вино. Жалобѣ Гея повѣрили, заставили Матвѣева уплатить 500 рублей, обвинили его во взяточничествѣ и отняли у него Посольскій приказъ.

Но на этомъ не остановились враги заслуженнаго боярина и продолжали наговаривать на него царю Ѳеодору.

„Кто знаетъ, своей-ли еще смертью померъ царь Алексѣй Михайловичъ; Матвѣевъ завѣдывалъ аптекой, у него всякія травы и снадобья были. Да и сами мы слышали, какъ перешептывался онъ съ докторами у постели больного царя".

Довѣрчивый царь Ѳеодоръ повѣрилъ, испугался и рѣшилъ удалить Матвѣева изъ Москвы.

4 іюля 1676 года, когда Артамонъ Сергѣевичъ по обычаю пришелъ къ царю и сталъ въ передней, изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ бояринъ Стрѣшневъ съ царскимъ указомъ.

„Указалъ тебѣ великій Государь, сказалъ Стрѣшневъ, быть на службѣ въ Верхотурьѣ воеводою".

„Воля его государская — я готовъ", отвѣчалъ Артамонъ Сергѣевичъ и тихо вышелъ изъ царской прихожей, провожаемый злорадостными взглядами недоброжелателей. Не ожидалъ старикъ такого конца; вспомнилъ онъ о милостяхъ къ себѣ покой-

наго царя. И горько стало привыкшему къ почету боярину.

„Воеводой въ глухомъ городишкѣ, думалъ онъ, мнѣ, заправлявшему Посольскимъ приказомъ, мнѣ, ближнему боярину“!

Медленно прошелъ старикъ кремль, сѣлъ въ свою карету, а назойливый голосъ все жужжалъ ему въ уши: „воеводой на Верхотурьѣ, воеводой на Верхотурьѣ“; и болѣзненно сжималось его сердце. Проѣзжая мимо церквей, онъ снималъ свою высокую боярскую шапку и осѣнялъ грудь свою широкимъ крестомъ. Его уста покорно шептали: „твори, Господи, свою волю“, а въ ушахъ по прежнему раздавалось: „воеводой на Верхотурьѣ“.

Воеводство на Верхотурьѣ было для Артамона Сергѣевича почетной ссылкой, но враги этимъ не кончили. Велика была злоба Милославскихъ и ихъ сторонниковъ, и много еще бѣдъ и напастей ждало впереди стараго боярина.

ГЛАВА X.

Доносъ лѣкаря Берлова и его послѣдствія. — Пытка Ивана Еврея. — Казнь карла Захарки.

Матвѣевъ началъ готовиться въ далекій путь, а тѣмъ временемъ враги его выступили противъ него съ новой клеветой.

Какой-то лѣкарь Давыдко Берловъ, чтобы избавиться отъ грозившаго ему наказанія, въ угоду Милославскимъ сочинилъ на опальнаго (находящагося въ немилости) боярина страшный доносъ: онъ обвинилъ его въ чернокнижіи, въ сообщничествѣ съ злыми духами.

„Мнѣ довелось, говорилъ Берловъ. лѣчить въ домѣ боярина Матвѣева карла Захарку, а болѣзнь тому карлу приключилась отъ смертныхъ побоевъ самого боярина, и говорилъ мнѣ Захарка, что дѣло это было такъ: однажды онъ заснулъ въ запечьѣ въ боярской горницѣ, а въ ней сидѣли: докторъ Стефанъ, Николай Спафарій и самъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ, сидѣли и читали „черную“ книгу; вдругъ видитъ онъ, Захарка, что въ горницу налетѣла тьма-тьмущая злыхъ духовъ, и стали тѣ духи говорить доктору Стефану: „чего вы тутъ сидите и не видите, что въ горницѣ есть еще третій человѣкъ“. Бояринъ какъ вскочитъ изъ-за стола, бросился къ печкѣ, выволокъ оттуда Захарку, билъ его смертнымъ боемъ и еле живого выкинулъ за порогъ. Да и самъ я видѣлъ, прибавлялъ доносчикъ, нечаянно зайдя въ палату, какъ Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ Спафаріемъ, заперпись, читали черную книгу“. . . . . . .

Нелѣпому доносу повѣрили, и враги Матвѣева обрадовались: вотъ когда наконецъ погубятъ они

нелюбимаго гордаго боярина! Видя удачу, Берловъ говорилъ дальше:

„Вѣдомо мнѣ также, что хотѣлъ бояринъ Матвѣевъ отравить покойнаго Государя, и была у него книга „лѣчебникъ“, которую укралъ у него холопъ его Ивашка Еврей, и теперь она находится у него“.

По этому доносу нарядили слѣдствіе. Не трудно было бы оправдаться Матвѣеву.

„Какъ могъ видѣть Захарка невидимыхъ духовъ и слышать во снѣ ихъ разговоръ, какъ доносчикъ Берловъ могъ „нечаянно“ зайти въ запертую палату“? спросилъ бы онъ ихъ; да хитры были бояре и дождались пока Матвѣевъ выѣдетъ изъ Москвы.

Сборы были скоро окончены, и Артамонъ Сергѣевичъ тронулся въ путь; съ нимъ поѣхали сынъ Андрей, племянники, монахъ, священникъ, учитель сына — польскій шляхтичъ и большая дворня. Чтобы защитить свои пожитки отъ разбойниковъ были взяты кромѣ разнаго другого оружія и двѣ пушки.

До Лаишева путники добрались благополучно; но здѣсь ихъ догналъ полуголова московскихъ стрѣльцовъ — Лужинъ.

— Подавай книгу, обратился онъ къ Матвѣеву.

— Какую? — спросилъ встревоженный бояринъ.

— Какую? небось, не знаешь? а книгу — лѣчебникъ.

— Нѣтъ у меня такой книги, — отвѣчалъ Матвѣевъ.

— Тебѣ говорятъ, бояринъ, настаивалъ Лужинъ, давай лѣчебникъ, въ коемъ многія статьи писаны цифирью! Да еще давай слугъ своихъ Ивашку Еврея и карлу Захарку.

— Слугъ моихъ ты можешь взять по царскому приказу и боярскому указанью, а про книгу скажи — у меня такой нѣтъ.

Лужинъ уѣхалъ и увезъ съ собой въ Москву Ивана Еврея и несчастнаго карла Захара. Везъ онъ ихъ на допросъ, какъ свидѣтелей по дѣлу Матвѣева.

Не такъ обращались со свидѣтелями въ то суровое время, какъ теперь. Теперь судъ, отрывая для свидѣтельскихъ показаній человѣка отъ его занятій, платитъ ему за это, *) а тогда наоборотъ: свидѣтели сами платились и часто дорогой цѣной — своей жизнью. Чтобы вынудить у свидѣтелей показанія, какія хотѣлось судьямъ, чтобъ заставить ихъ наговорить на невиннаго человѣка, ихъ подвергали пыткѣ. Такъ поступили и съ привезенными слугами Матвѣева.

Застѣнокъ, въ которомъ производились пытки, представлялъ изъ себя большую комнату, тускло освѣщаемую небольшими окнами, которыя находи-

*) Въ настоящее время вознагражденіе получаютъ свидѣтели, которые живутъ не ближе 15 верстъ отъ мѣста вызова.

лись у самаго потолка. Посреди застѣнка стояли врытые въ землю два дубовые столба съ перекладиной наверху; это было страшное орудіе пытки „дыба“. За столомъ въ переднемъ углу сидѣлъ бояринъ, завѣдывающій приказомъ сыскныхъ дѣлъ, и дьякъ.

Къ дыбѣ подвели Ивана Еврея. Палачъ, огромный мужчина съ звѣрскимъ лицомъ, велѣлъ ему раздѣться и завязалъ руки назади ремнемъ. Къ этому ремню привязалъ другой, проходящій черезъ блокъ, прикрѣпленный къ перекладинѣ, и сталъ его медленно поднимать вверхъ. Въ то же время другой палачъ, связавъ ноги несчастнаго, наступилъ на конецъ ремня. Затрещали кости въ суставахъ; страшная боль перекосила лицо Ивана, и чѣмъ сильнѣе тянулъ палачъ, тѣмъ болѣе вывертывались руки, растягивалось все тѣло, на лбу выступала кровь.

И вотъ, когда изъ груди несчастнаго вырвался невольный стонъ, бояринъ, сидѣвшій за столомъ, спросилъ:

— Ты Ивашка Еврей, холопъ боярина Матвѣева?

— Я, — простоналъ несчастный.

— Есть у боярина Артамона Матвѣева лѣчебникъ, писанный цифирью?

— Нѣтъ, — былъ отвѣтъ Ивана.

— Нѣтъ, говоришь? — И по знаку боярина палачъ началъ тянуть Ивана выше: руки вывернулись изъ суставовъ, все тѣло опустилось внизъ, дикій вопль огласилъ комнату, и опять послышался спокойный голосъ боярина:

— Есть?

Но, испытывая невѣроятныя страданія, мужественный Иванъ все же отвѣчалъ:

— Нѣтъ и не было.

Снова бояринъ далъ знакъ, и въ воздухѣ засвистѣлъ кнутъ, а со спины страдальца стали отлетать куски мяса. Наконецъ, не перенеся страданій, Иванъ крикнулъ — „есть“ и потерялъ сознаніе. Его сняли съ дыбы и замертво оттащили въ тюрьму. Когда онъ немного поправился, его снова привели на допросъ. Но на этотъ разъ онъ отказался отъ своего прежняго показанія.

— Былъ такой лѣчебникъ, сказалъ онъ, да только не у боярина, а у меня, и жена моя сожгла его по моему приказанію.

Опять дыба; опять свищетъ кнутъ въ воздухѣ, брызжетъ кровь; избитая, изсѣченная спина несчастнаго посыпается солью. Но показанія Ивана остаются неизмѣнны. Стонъ только вырывается у него, когда втыкаютъ ему подъ ногти *) желѣзныя иглы, когда ломаютъ раскаленными щипцами

---

*) Отсюда слово „подноготная“, т. е. [illegible]

ребра. Каждая пытка оканчивается потерей сознанія у пытаемаго, и каждая новая начинается показаніемъ Ивана:

„Бояринъ Матвѣевъ неповиненъ въ лѣчебникѣ, и у него его не было“.

Не такъ велъ себя несчастный карликъ Захаръ; съ первой же пытки онъ подтвердилъ весь доносъ Давыдки Берлова, говорилъ, что Матвѣевъ знается съ нечистой силой, что онъ самъ видѣлъ эту нечистую силу у него въ комнатѣ.

Измученные пыткой слуги Матвѣева были брошены въ тюрьму.

Цѣлый мѣсяцъ Артамонъ Сергѣевичъ жилъ въ Лаишевѣ, не смѣя возвратиться въ Москву и идти дальше. Разъ ночью громкій стукъ въ ворота и ставни разбудилъ его. Пріѣхали изъ Москвы думный дворянинъ Соковнинъ и думный дьякъ Семеновъ. Съ шумомъ вошли пріѣзжіе въ квартиру Матвѣева и Соковнинъ обратился къ старику съ такими словами:

— Давай жену Ивана Еврея, давай письма, давай имѣніе на осмотръ, давай племянниковъ, давай монаха, давай священника, давай всѣхъ людей!

— Въ чемъ я воленъ, то берите, а священникомъ и монахомъ я распорядиться неволенъ; берите, коли власть имѣете...

Захвативъ людей Матвѣева и его племянниковъ, священника и монаха, Соковнинъ и Семеновъ от-

правились на съѣзжій дворъ и снова спрашивали всѣхъ о лѣчебникѣ. Когда производился этотъ допросъ, Артамонъ Сергѣевичъ сидѣлъ въ своей квартирѣ совершенно одинъ. Тяжело было на сердцѣ стараго боярина; онъ уже начиналъ понимать, что недаромъ оклеветали его недруги, что старательно ищутъ они его погибели.

„Былъ я вѣрнымъ слугой своимъ государямъ, думалъ онъ; правдой, а не лицемѣрно служилъ ихъ государской милости.... а теперь въ опалѣ; повѣрилъ царь злымъ навѣтамъ на меня. А за что хотятъ погубить меня враги мои? Охъ, много ихъ! За то, что не былъ я ворамъ и лихоимцамъ потатчикъ“....

Сильный стукъ въ дверь прервалъ невеселыя думы старика, и въ комнату, стуча бердышами, вошли двое стрѣльцовъ.

— Чего вамъ? спросилъ бояринъ.

— Велѣно тебѣ, бояринъ, сейчасъ же идти на съѣзжій дворъ... сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Торопись! добавилъ другой.

— Что? грозно крикнулъ бояринъ, и изъ подъ сѣдыхъ сдвинутыхъ бровей сверкнули полные огня глаза.

— Не кричи, бояринъ, не больно испугались, сказалъ одинъ изъ стрѣльцовъ, мы вѣдь не по своей охотѣ пришли за тобой“...

Быстро овладѣлъ собой Артамонъ Сергѣевичъ, вспомнилъ онъ, что гнѣвъ его напрасенъ, что стрѣльцы — люди подначальные.

— Иду, сказалъ онъ и вмѣстѣ съ ними отправился пѣшкомъ на съѣзжій дворъ.

— Кѣмъ составлялись лѣкарства для покойнаго царя Алексѣя Михайловича, и гдѣ хранятся рецепты"? снова спросили его.

Бояринъ отвѣчалъ:

— Лѣкарства составляли доктора Костеріусъ и Стефанъ Симонъ, а рецепты хранятся въ аптекарской палатѣ.

Говорилъ также Матвѣевъ, что всякое лѣкарство, подаваемое царю, отвѣдывалъ сначала докторъ, затѣмъ онъ, а послѣ него дядьки царя князь Куракинъ и бояринъ Хитрово; если же послѣ царя оставалось лѣкарство, то допивалъ его опять-таки онъ — Матвѣевъ въ глазахъ у Государя.

Окончивъ допросъ, Соковнинъ и Семеновъ отпустили его и всѣхъ людей домой, исключая жены Ивана Еврея. Ее арестовали и подъ стражей повезли въ Москву. Несчастную женщину подвергли пыткѣ, но она упорно говорила:

— Лѣчебника не было у боярина Матвѣева.

Ее отвели въ тюрьму, здѣсь она увидала бездыханный трупъ своего мужа.

Изнуренный страшной пыткой, съ переломленными костями, онъ отдалъ свою вѣрную душу Богу, до самой смерти неизмѣнно говоря, что лѣчебникъ принадлежалъ ему, и его бояринъ невиненъ.

Въ то же время на красной площади происходила слѣдующая ужасная сцена, нерѣдкая въ то время.

На кучѣ дровъ, облитыхъ смолой, къ столбу, торчащему изъ нихъ, былъ привязанъ маленькій человѣкъ—это былъ карликъ Захаръ. Его обвинили въ чернокнижіи, въ сообщничествѣ со своимъ бояриномъ; чтобы еще больше усугубить вину Матвѣева, теперь торжественно казнили карлика—сожженіемъ.

Плотной стѣной окружали приготовленный костеръ стрѣльцы; за ними тѣснились, напирая другъ на друга, московскіе горожане. Осужденный коснѣющимъ языкомъ шепталъ молитвы. Яркое пламя охватило костеръ. Какъ одинъ человѣкъ толпа притаила дыханіе. Слышался трескъ костра, и вдругъ страшный, пронзительный предсмертный вопль пронесся надъ толпой, за нимъ другой, протяжный, но слабый... и все смолкло. Пламя охватило свою жертву, и черный дымъ скрылъ ее отъ глазъ народа.

ГЛАВА XI.

Матвѣева переводятъ въ Казань. — Окончательный приговоръ. — Ссылка въ Пустозерскъ.

Матвѣевъ все еще оставался въ Лаишевѣ. Наконецъ къ нему явился дворянинъ съ царскимъ приказомъ.

— Указалъ тебѣ Государь быть въ Казани, сказалъ онъ.

Сборы были не долги, и Артамонъ Сергѣевичъ тронулся въ путь. Въ Казани былъ воеводою одинъ изъ враговъ Матвѣева—Иванъ Богдановичъ

Милославскій. Онъ приставилъ къ Матвѣеву стражу. Понялъ теперь старый бояринъ, что не быть ему воеводой и на Верхотурьѣ, что погубятъ его враги, или сошлютъ туда, куда и воронъ костей не занашивалъ. Зналъ Артамонъ Сергѣевичъ свою невинность, но что было дѣлать! Враги его сильны, ихъ слушаетъ царь. Ни защищаться, ни оправдываться онъ не можетъ. Все равно—ему не повѣрятъ. И покорно ждетъ Артамонъ Сергѣевичъ грознаго приговора. Ждать пришлось недолго. Скоро пришелъ царскій указъ: распустить людей Матвѣева по деревнямъ, а нѣкоторыхъ отпустить на волю.

Сейчасъ же созвалъ Матвѣевъ всѣхъ слугъ своихъ и объявилъ имъ царское велѣніе. Но не всѣ согласились покинуть опальнаго старика:

— Видѣли мы тебя, бояринъ, въ величіи и милости и служили тебѣ, не покинемъ и теперь въ немилости и въ горѣ", отвѣчали многіе изъ нихъ.

Со слезами на глазахъ благодарилъ растроганный бояринъ своихъ вѣрныхъ слугъ и спокойно сталъ дожидаться дальнѣйшей своей участи. И на этотъ разъ ждать пришлось недолго.

Разъ ночью, какъ и въ Лаишевѣ, онъ былъ разбуженъ страшнымъ стукомъ въ ворота, и въ его комнату, окруженный стрѣльцами, вошелъ думный дьякъ Гороховъ. Сердце Матвѣева тоскливо сжалось. Онъ хорошо помнилъ этого дьяка: нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ за воровство и лихоимство отставилъ его отъ должности и сослалъ.

Знали враги, кому поручить исполненіе окончательнаго приговора надъ несчастнымъ старикомъ.

— Узналъ, бояринъ? обратился къ Матвѣеву Гороховъ, не снимая шапки и насмѣшливо глядя на растерявшагося старика.—Какъ чай, не узнать старые знакомцы; не чаялъ, небось, бояринъ, что въ Казани намъ съ тобой придется свести старые счеты?

Матвѣевъ молча въ безсиліи опустился на лавку, и поникла сѣдая голова его на грудь. Но дьякъ не унимался:

— Кто говорилъ на Москвѣ — дьякъ Гороховъ воръ, дьякъ Гороховъ лихоимецъ, сослать Горохова въ ссылку? Сослали меня, а теперь и мнѣ довелось сказать: бояринъ Матвѣевъ воръ, бояринъ Матвѣевъ лихоимецъ...

Какъ ужаленный вскочилъ съ лавки старый бояринъ и сдѣлалъ шагъ къ Горохову; гнѣвомъ сверкали старческіе глаза... Гороховъ попятился.

— Дьякъ, не сквернословь, а дѣлай то, зачѣмъ присланъ. Помни, что бояринъ Матвѣевъ и въ опалѣ выше дьяка Горохова въ милости.

— Какъ не помнить; небось опять сошлешь? засмѣялся оправившійся дьякъ; нѣтъ, Артамонъ Сергѣевичъ, было время, да прошло. Показывай-ка, гдѣ твое имѣнье, подавай его сейчасъ!

— Слушай, сказалъ Матвѣевъ, и запомни: въ животахъ *) моихъ ни краденаго, ни разбойнаго,

* Въ имуществѣ.

ни воровского, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ; нживоты отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ея, и мои, нажитые милостью Божіею и великихъ государей жалованьемъ, за посольскія службы и за мои работы ратныя, за крови и за всякія великія работы, а когда часъ пришелъ невинному нашему разоренью, что великій государь изволилъ животы всѣ взять безъ вины моей, въ томъ воля Божія и его государская.

Гороховъ насмѣшливо слушалъ, не перебивая боярина, а когда тотъ кончилъ, онъ приступилъ къ описи имѣнья. Вскорѣ явился стольникъ Тухачевскій, назначенный приставомъ къ Матвѣеву; отнынѣ бояринъ Матвѣевъ былъ ссыльный, и къ нему, какъ къ важному преступнику, приставили человѣка, который обязанъ былъ слѣдить за всѣми его поступками. Такой человѣкъ назывался приставомъ. Приставъ потребовалъ отъ Матвѣева выдачи пушекъ, пороху, свинцу, панцырей, наручей, всего оружія, всѣхъ боевыхъ доспѣховъ.

Матвѣевъ съ укоризной покачалъ головой.

— Къ унятію всякаго воровства былъ я почининщикъ, а не къ начинанію... тихо проговорилъ онъ, выдавая оружіе.

Затѣмъ явился присланный отъ воеводы стрѣлецкій голова и, на позоръ всего города, подъ конвоемъ повелъ Матвѣева, сына его, оставшихся людей съ женами и дѣтьми въ съѣзжую избу.

Здѣсь знаменитому боярину прочли окончательный приговоръ; его читалъ Гороховъ. Спачала были перечислены вины Матвѣева: въ Лапшевѣ онъ объявилъ, что остатки лѣкарства послѣ Государя выпивалъ онъ, Матвѣевъ; но дьяки государевы князь Куракинъ и Хитрово показали, что онъ никогда не выпивалъ остатковъ; лѣкарь Берловъ показалъ, что и самъ онъ видѣлъ, и говорилъ ему карла Захарка, что Матвѣевъ, заперпись съ докторомъ Стефаномъ и Николаемъ Спафаріемъ читали черную книгу; что Спафарій училъ по этой книгѣ Матвѣева и сына его Андрея.

Не могъ спокойно слушать Артамонъ Сергѣевичъ вздорныя и несправедливыя обвиненія; не разъ порывался онъ вставить свое слово, разбить нелѣпую клевету, но всякій разъ Гороховъ останавливалъ его словами:

— Слушай и молчи.

И слушалъ бояринъ, и дивился людской злобѣ и несправедливости, дивился боярскому кривосудію, и болѣла его душа и за себя и за свою родину.

Суровъ былъ приговоръ; у Матвѣева отняли боярство, отобрали все имѣнье, дали только 1000 рублей и сослали вмѣстѣ съ сыномъ въ Пустозерскъ.

Съ спокойной твердостью выслушалъ Артамонъ Сергѣевичъ жестокій приговоръ своихъ несправедливыхъ судей.

— Таково милостивое рѣшенье Государя, сказалъ Гороховъ и добавилъ при этомъ:

— А слѣдовало бы тебя, бояринъ, за твои провинности казнить лютой смертью, какъ казнили холопа твоего Захарку“.

Какъ громомъ поразила Матвѣева вѣсть о казни его вѣрнаго слуги. Твердый духъ престарѣлаго боярина поколебался.

— Бѣдные люди, думалъ онъ, за что же вы то страдаете? И крупныя слезы одна за другой закапали изъ старческихъ очей.

ГЛАВА XII.

Жизнь Матвѣева въ Пустозерскѣ. — Его челобитныя. — Смерть царя Ѳеодора Алексѣевича. — Избраніе на царство Петра. — Возвращеніе Матвѣева изъ ссылки.

Дики и малонаселенны берега Ледовитаго океана въ настоящее время; еще пустыннѣе они были 200 лѣтъ назадъ. Вѣковые хвойные лѣса съ непроходимыми болотами тянулись по всему сѣверу Россіи. Только однѣ рѣки служили дорогами въ этомъ краю, да и эти дороги на цѣлые полгода заносила снѣжная метель. Бушевала сѣверная зимняя буря, ломая столѣтнія деревья; выли голодные звѣри, и трещалъ морозъ. Суровый край и непригодный для жизни человѣка! Однако и здѣсь селились люди, селились и бѣдствовали.

Въ этомъ дикомъ краю, за тысячу слишкомъ верстъ отъ Москвы, пріютился небольшой городокъ Пустозерскъ, скорѣй похожій на нашу бѣдную, разоренную деревеньку. Въ немъ было не больше

ста домовъ; дома были плохи, съ кусками льда въ оконныхъ отверстіяхъ зимой и налимьей кожей въ лѣтнее время. Печи топились по черному: бѣдняки пустозерцы не умѣли дѣлать трубъ. Хлѣба они совсѣмъ не сѣяли, а ѣли привозный, обмѣнивая его на пушной товаръ, на звѣриныя шкуры. Но привознаго хлѣба далеко не хватало на цѣлый годъ, и пустозерцы питались борщемъ, да скудными запасами рыбы. Страдая отъ страшнаго холода, населеніе города часто голодало. Особенно, плохо приходилось въ зимнее время: подвоза хлѣба не было, и достать его было неоткуда даже на вѣсъ золота.

Злая судьба закинула Матвѣева въ эту дикую мѣстность. Злоба людская заставила переселиться изъ роскошнаго боярскаго дома въ курную избу Пустозерска. Тяжело было старику боярское одѣяніе перемѣнить на простой нагольный тулупъ, почеть и уваженіе — на горькое но „невольное положеніе ссыльнаго. Приходилось терпѣть голодъ, холодъ, страшную нужду во всемъ необходимомъ. Случилось разъ, что онъ и сынъ его, и всѣ ихъ слуги чуть было не умерли голодною смертью. Хлѣбъ весь вышелъ, а достать было негдѣ. Надъ бѣднымъ старикомъ сжалился его приставъ Тухачевскій и прислалъ ему нѣсколько кулей муки, которой у него самого было немного.

Тяжело жилось старику, а годы шли, не принося съ собой никакой перемѣны, никакого облегченія. Часто Матвѣевъ доходилъ до отчаянія и

писалъ челобитныя въ Москву царю. Онъ оправдывался въ нихъ противъ возведенныхъ на него обвиненій и перечислялъ свои заслуги.

„Доносятъ на меня, писалъ онъ, будто я многія взятки бралъ и тѣсноту твоимъ людямъ чинилъ, покупалъ отчины тѣснотою: но изъ городовъ и уѣздовъ, которые я вѣдалъ въ приказахъ, никто тебѣ на меня челомъ не бивалъ и впредь бить не будетъ. Когда я ѣхалъ въ ссылку нѣкоторыми изъ этихъ городовъ, то кромѣ пріятства и подаянія пищи, какъ подаютъ убогимъ и разореннымъ, не слыхалъ на себя никакого нареканія. Служилъ я дѣду твоему и отцу въ полковыхъ службахъ. Когда ратные люди пошли изъ-подо Львова и пришла самая нужда: отецъ сына, братъ брата мечутъ, и пришелъ холодъ и голодъ, солдаты, стрѣльцы и дворяне пушки и всякіе ратные припасы покинули въ степи и разбѣжались, бояринъ Бутурлинъ пошелъ скорымъ походомъ, а меня оставилъ съ пометанными пушками и запасами на степи; и я съ остальными людьми, впрягаясь самъ подъ пушки, всѣ 59 пушекъ и съ запасами допроводилъ до Бѣлой церкви и до Москвы. Когда князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой хотѣлъ идти въ Черкасскіе города, и ратные люди, не хотя идти, учинили бунтъ и привели его боярина за епанчу, то я съ стрѣльцами его отнялъ. Я съ цесарскими посланниками договоръ учинилъ, чтобы васъ великихъ государей впередъ писать величествомъ, а не пресвѣтлѣйше-

ствомъ. Я, будучи въ приказѣ, учинилъ прибыли великія, вновь учинилъ аптеку, кружечный дворъ, и изъ тѣхъ сборовъ сдѣлалъ дворы каменные: посольскій, Греческій, лавки. Денежный дворъ 15 лѣтъ стоялъ пустъ, туда серебра въ заводѣ на денежное дѣло не бывало; я же завелъ дѣлать на томъ дворѣ деньги, и отъ того дѣла непрестанная прибыль была въ казну. И за всѣ мои службишки пожалованъ я былъ вашею государскою милостью боярствомъ, отчинами, помѣстьями; и то все безъ вины отнято".

„Не ложно холопи твои у тебя, великаго государя, чрезъ кровавыя свои слезы милости просимъ: съ голоду страждемъ и не можемъ части мяса купить; да не токмо мяса или калачъ, ей ей, и хлѣба на двѣ деньги купить не добудемъ," жаловался Артамонъ Сергѣевичъ на свое житье. Но не слыхалъ царь его жалобъ, не доходили до него челобитныя бывшаго боярина.

Матвѣевъ писалъ патріарху, просилъ заступиться за него передъ царемъ. Но патріархъ былъ глухъ къ просьбамъ изгнанника, думалъ онъ, что бояринъ страдаетъ за дѣло, за свою любовь къ иноземщинѣ, за свои „новшества".

Вспомнилъ старикъ о друзьяхъ своихъ и имъ отправлялъ письмо за письмомъ, просилъ, чтобы царица Наталья и царевичъ Петръ ходатайствовали за него у царя. Но не зналъ онъ, что друзья его въ немилости, что царевны и враги его Милославскіе уда-

лили Наталью Кирилловну съ сыномъ изъ дворца, давъ имъ нажитье село Преображенское.

Ни отъ кого не получая отвѣта, Матвѣевъ въ отчаяніи обращался даже къ своимъ врагамъ, прося ихъ сжалиться надъ нимъ. Но злоба враговъ была сильна, и напрасно онъ ждалъ отъ нихъ пощады. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Не помогли Матвѣеву его жалобы, его просьбы, но судьба вдругъ неожиданно перемѣнилась къ нему. Умерла супруга царя Өеодора. Царь задумалъ жениться во второй разъ. Выборъ его палъ на дѣвушку незнатнаго рода Марөу Матвѣевну Апраксину. Она приходилась дальней родственницей и крестницей Артамона Сергѣевича.

Невѣста открыла глаза царю на невинность Матвѣева, и въ Пустозерскъ пришелъ царскій указъ - перевести его въ городъ Мезень.

Но напрасно радовался Артамонъ Сергѣевичъ, облегченіе было не велико. И снова пишетъ онъ жалобы царю.

„А и на Мезень велѣно насъ переволочь отъ Пустозерскаго и горькослезнаго мѣста, отъ моря къ тому же пустому морю, за тою же тѣснотою и стражею темничною; а и на Мезени намъ тунеядателей нѣтъ; жалованья дано 150 рублей, а того будетъ намъ и сиротамъ нашимъ на день по три денежки, а на одежду намъ твоего государеваго милостиваго указа нѣтъ“.

Въ 1681 году царь вступилъ въ бракъ съ Ап-

раксиной; уступая неотступнымъ просьбамъ царицы, онъ приказалъ освободить Матвѣева.

Въ холодный январскій день 1682 года въ Мезень прибылъ капитанъ Лишуковъ. Сердце Матвѣева тревожно забилось. Не переставалъ старикъ надѣяться на облегченіе своей участи. На этотъ разъ надежды его были не напрасны. Лишуковъ привезъ радостную вѣсть: „Его царское величество, разсмотрѣвъ невинность Матвѣева и его сына, и бывшее на нихъ ложное оклевстаніе и милосердуя о нихъ, указалъ ихъ изъ за пристава освободить, московскій ихъ дворъ, подмосковныя и другія вотчины и пожитки возвратить, сверхъ того жаловалъ новыя вотчины и указалъ отпустить ихъ изъ Мезени въ городъ Лухъ, гдѣ ждать имъ новаго указа“.

Велика была радость Матвѣева.

„Видно дошли до царя мои жалобы“, говорилъ онъ, плача отъ счастья.

Торопливо собрался въ путь старый бояринъ и, провожаемый съ большимъ почетомъ Пустозерскимъ воеводой, благополучно прибылъ въ Лухъ. Здѣсь узналъ онъ горестное извѣстіе: царь Ѳеодоръ скончался. Горько оплакивалъ старикъ смерть царя.

„Что дѣлается теперь въ Москвѣ, кого изберутъ царемъ“, съ безпокойствомъ думалъ онъ.

А въ Москвѣ, помимо слабаго, больного Іоанна, избрали царемъ малолѣтняго Петра. Изъ Преображенскаго явилась во дворецъ царица Наталья съ сыномъ.

Немедленно шлетъ она гонца въ Лухъ къ Матвѣеву, проситъ своего воспитателя спѣшить въ Москву, помочь ей совѣтомъ въ дѣлахъ правленія.

„Петръ избранъ царемъ“, радостно шепчетъ Артамонъ Сергѣевичъ, читая извѣстіе, и невольно рука его, дрожащая отъ волненія, творитъ крестное знаменіе.

Матвѣевъ немедленно двинулся къ Москвѣ. Печальные годы изгнанія и униженія измучили старика. Давно не слыхалъ онъ привѣтливаго, ласковаго слова и жадно вслушивался теперь въ привѣтственныя рѣчи, которыми его вездѣ встрѣчали.

Вѣсть объ избраніи на царство Петра разнеслась по тому пути, по которому ѣхалъ Артамонъ Сергѣевичъ.

„За малолѣтствомъ царя будетъ править царица Наталья, а Матвѣевъ будетъ ея совѣтникомъ“, думали всѣ и заискивали передъ старымъ бояриномъ, который снова войдетъ въ силу. Радостно встрѣчалъ его народъ съ хлѣбомъ-солью, выходило духовенство съ иконами, воеводы и служилые люди торжественно провожали его изъ каждаго города.

Снова повѣрилъ въ счастье Артамонъ Сергѣевичъ и не торопясь подвигался къ Москвѣ. Не чуяло его сердце, что творилось въ это время въ столицѣ.

ГЛАВА XIII.

Стрѣлецкія волненія. — Пріѣздъ Матвѣева въ Москву.

На третій день послѣ смерти царя Өеодора Алексѣевича большая толпа выборныхъ отъ 16 стрѣлецкихъ полковъ явилась во дворецъ.

Давно уже стрѣльцы были недовольны своими полковниками, давно подавали на нихъ челобитныя. Въ нихъ читались жалобы на притѣсненія начальства: полковники жестоко бьютъ стрѣльцовъ, утаиваютъ ихъ жалованье, заставляютъ ихъ безплатно работать на себя, отрывая отъ своихъ дѣлъ и своего промысла. Но челобитчиковъ за жалобы наказывали, били кнутомъ и отправляли въ ссылку. Стрѣльцы вышли изъ терпѣнья. Присягнувъ Петру, они пришли во дворецъ и потребовали выдачи девяти полковниковъ.

„Не то мы сами о себѣ промыслимъ, перебьемъ ненавистныхъ начальниковъ, разграбимъ ихъ дома и имѣнья“, грозили стрѣльцы; „достанется и другимъ измѣнникамъ, кричали они, будетъ намъ терпѣть мученія отъ полковниковъ и смотрѣть, какъ измѣнники обманываютъ ваше царское величество“!

Царь Петръ былъ малолѣтенъ, а около царицы Натальи Кирилловны не было совѣтника твердаго характеромъ и искуснаго въ дѣлахъ правленія. Родственники царицы были люди неопытные, неспособные усмирить волновавшихся стрѣльцовъ. Напуганные ихъ угрозами, они схватили полков-

никовъ и заключили ихъ подъ стражу. Нарядили слѣдствіе и заставили ихъ заплатить требуемыя стрѣльцами деньги. Съ нѣкоторыхъ полковниковъ взыскали до 2000 рублей. Тѣхъ, кто не могъ заплатить, держали на правежѣ часа по два, жестоко били ихъ, вычитывая имъ ихъ вины за время управленія стрѣлецкими полками. Тутъ же на площади при правежѣ и наказаніяхъ толпились стрѣльцы и распоряжались. „Довольно", кричали они, и палачи прекращали удары. Никто не останавливалъ стрѣльцовъ, и они творили свою волю. Съ громкими криками и пѣснями ходили по улицамъ, по ночамъ звонили въ колокола, огромными толпами собирались у воротъ начальника стрѣлецкаго приказа—князя Долгорукаго, смѣялись надъ нимъ, грозили. Въ прочихъ начальниковъ бросали каменьями, палками, бранили ихъ непристойными словами. Плохо приходилось тѣмъ, кто отваживался строгостью возстановить порядокъ. Стрѣльцы втаскивали смѣльчака на колокольню и сбрасывали оттуда при крикахъ товарищей „любо", „любо".

Одинъ человѣкъ могъ бы унять этотъ бунтъ — это былъ испытанный въ дѣлахъ правленія и не растратившій своей мудрости въ тяжелой ссылкѣ бояринъ Матвѣевъ, который находился въ это время на пути въ Москву.

Съ нетерпѣніемъ ожидала его испуганная царица, его пріѣзда ждали всѣ, кто желалъ тишины и порядка.

Но были люди, которые внимательно слѣдили за

дѣйствіями стрѣльцовъ. Царевна Софья, Милославскіе и ихъ приверженцы радовались начинающемуся бунту. Страшно поразило ихъ избраніе на царство Петра.

„Царица Наталья будетъ правительницей, Матвѣевъ — ея совѣтчикомъ", съ ужасомъ думали царевны и ихъ родственники. Не забудетъ мачиха, что при царѣ Өеодорѣ они удалили ее изъ дворца, жестоко отомститъ имъ. Не проститъ имъ Матвѣевъ своего заточенія. Что будетъ съ ними? Тяжелая жизнь въ теремѣ въ зависимости отъ нелюбимой мачихи ожидаетъ царевенъ, ссылка ждетъ Милославскихъ.

Но не мирится со своей горькой участью гордая властолюбивая царевна Софья, не хотятъ разстаться со своей властью честолюбивые Милославскіе. Отнять правленіе у царицы Натальи, удалить Нарышкиныхъ, уничтожить Матвѣева думаютъ они и готовы на преступленіе, чтобы добиться своей цѣли. Бунтъ стрѣльцовъ имъ на руку.

Иванъ Михайловичъ Милославскій по почамъ созываетъ стрѣльцовъ, возмущаетъ ихъ противъ Нарышкиныхъ, противъ Матвѣева.

„Іоаннъ долженъ быть царемъ, Петръ избранъ незаконно", прибавляетъ онъ.

Извѣстный боевой воевода Хованскій говоритъ стрѣльцамъ:

„Вы сами видите, въ какомъ вы у бояръ тяжкомъ ярмѣ, теперь выбрали Богъ знаетъ какого царя, увидите, что не только денегъ и корму не да

дутъ, но и работы тяжкія будете работать, какъ прежде работали, и дѣти ваши вѣчными невольниками у нихъ будутъ; а что всего хуже, поддадутъ и васъ и насъ въ неволю какому нибудь чужеземному непріятелю, Москву сгубятъ и вѣру православную искоренятъ".

То и дѣло царевна Софья посылаетъ въ стрѣлецкія слободы деньги и богатые подарки. Она ищетъ помощи стрѣльцовъ, чтобы стать правительницей государства. Стрѣльцы жадно слушали мятежныя рѣчи, ежедневно собирались въ круги, становились подъ ружье и били въ набатъ.

„Не хотимъ, чтобы нами управляли Нарышкины и Матвѣевъ, мы имъ всѣмъ шею свернемъ", кричали они съ похвальбою.

Этого и добивались Милославскіе и дожидались только пріѣзда Матвѣева.

Наконецъ 12 Мая вечеромъ Артамонъ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ Москву, а 13-го утромъ явился во дворецъ. Не помнила себя отъ радости царица Наталья Кирилловна, обнимая своего воспитателя, плакалъ отъ счастья и Артамонъ Сергѣевичъ.

На слѣдующій день вся знать спѣшила въ домъ стараго боярина, въ рукахъ котораго снова будетъ власть; всѣ наперерывъ выказывали ему почетъ и уваженіе.

Годы изгнанія не измѣнили Артамона Сергѣевича. Онъ попрежнему былъ со всѣми ласковъ, обходителенъ, привѣтливъ. Всѣ остались довольны

бояриномъ, всѣ надѣялись, что онъ укротитъ стрѣльцовъ и водворитъ порядокъ въ столицѣ.

Лѣтописецъ говоритъ, что по пріѣздѣ Матвѣева „радость была неизреченная, что никакое человѣческое писало по достоянію неписати не возможетъ".

Но непродолжительна была всеобщая радость: враги Матвѣева и Нарышкиныхъ не дремали.

ГЛАВА XIV.

Стрѣлецкій бунтъ. — Смерть Матвѣева.

15-го числа утромъ по стрѣлецкимъ полкамъ проскакали верхомъ Александръ Милославскій и Петръ Толстой.

„Спѣшите въ Кремль на службу, кричали они. Нарышкины задушили царевича Іоанна".

Ударили въ набатъ въ стрѣлецкихъ слободахъ, забили барабаны; стрѣльцы вооружились и двинулись къ Кремлю съ знаменами и пушками.

Было близко къ полдню. Матвѣевъ сходилъ съ дворцовой лѣстницы, чтобы ѣхать домой. На встрѣчу ему бѣжалъ бояринъ князь Урусовъ.

Бѣда, Артамонъ Сергѣевичъ, стрѣльцы бунтомъ идутъ къ Кремлю, вошли ужъ въ Земляной городъ", запыхавшись сказалъ онъ.

Матвѣевъ воротился на верхъ и доложилъ объ этомъ царицѣ. Сейчасъ же былъ отданъ приказъ полковнику стремяннаго полка запереть всѣ кремлевскія ворота. Но было уже поздно. Стрѣльцы

съ развѣвающимися знаменами входили въ Кремль. Нестройными толпами заполонили они дворцовую площадь. Дикіе крики смѣшивались съ барабаннымъ боемъ. Вотъ все ближе и ближе подступаютъ стрѣльцы къ Красному крыльцу. Все яснѣе слышатся, выдѣляясь изъ общаго шума, отдѣльные возгласы: „гдѣ измѣнники? гдѣ Нарышкины, гдѣ убійцы царевича Ивана“?

По совѣту Матвѣева на крыльцо выводятъ обоихъ царевичей. Крики въ переднихъ рядахъ смолкаютъ; стрѣльцы поражены: имъ говорили, что царевича Іоанна задушили, а онъ вотъ стоитъ передъ ними живехонекъ.

Вмѣсто грозныхъ окриковъ слышится ропотъ: ихъ обманули. Но все же сомнѣніе беретъ стрѣльцовъ, они гдѣ то добыли лѣстницу, и вотъ бородатые, вооруженные люди лѣзутъ по ней наверхъ, къ площадкѣ крыльца, гдѣ стоятъ царевичи съ матерью Натальей Кирилловной, окруженные боярами. Тутъ же стоятъ князь Долгорукій, князь Черкасскій, Урусовъ; среди ихъ перепуганныхъ лицъ рѣзко выдѣляется обрамленное большой сѣдой бородой спокойное лицо боярина Матвѣева. Печально смотрятъ его старческіе, но зоркіе и умные глаза на то, что происходитъ вокругъ. Угрюмо сдвинувъ черныя брови, изъ подлобья выглядываетъ маленькій Петръ. Царевичъ Іоаннъ блаженно улыбается и моргаетъ своими большими

глазами. Онъ мало понимаетъ, что дѣлается вокругъ него.

„Ты-ли царевичъ Иванъ?“ спрашиваютъ стрѣльцы и стараются просунуть сквозь рѣшетку крыльца свои мозолистыя, мускулистыя руки, чтобы ощупать царевича: русскій человѣкъ глазамъ не вѣритъ.

— „Я“, слышится слабый голосъ Іоанна.

— „Кто же тебя сердешнаго изводитъ“?

— „Никто не изводитъ“.

„Не бойся, говори, мы не вороги тебѣ“.

— „Да никто!“ и царевичъ готовъ заплакать отъ этого неотвязчиваго допроса.

Рѣшимостью сверкнули глаза Артамона Сергѣевича; онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по крыльцу, затѣмъ медленной степенной походкой сходитъ по его ступенямъ, твердой рукой отмыкаетъ рогатку, и вотъ онъ передъ стрѣльцами.

Попятились ихъ передніе ряды, давая дорогу боярину; какъ легкій вѣтерокъ пронесся по стрѣлецкимъ полкамъ шепотъ: „бояринъ Матвѣевъ, бояринъ говоритъ“, и затѣмъ тысячная толпа смолкла, какъ одинъ человѣкъ.

Отчетливо звучитъ мягкій старческій голосъ. Матвѣевъ говоритъ:

„Вѣрные престолу и вѣрѣ православной стрѣлецкіе полки! По что вы пришли къ царскимъ хоромамъ, почто оскорбляете шумомъ и крикомъ ихъ царскія величества? Лиходѣи и измѣнники пустили средь васъ молву, что убитъ царевичъ

Иванъ; вы повѣрили злой клеветѣ; не въ домекъ вамъ, знать, стало, что эти лиходѣи хотятъ лишить васъ вашихъ заслугъ, хотятъ отнять у васъ славу защитниковъ престола, вѣрныхъ слугъ прирожденнаго Государя. Вы повѣрили имъ и вдались въ обманъ. Царевичъ Иванъ живъ, онъ самъ стоитъ на крыльцѣ и говоритъ вамъ, что никто его не изводитъ. Идите съ миромъ въ свои слободы и выдайте тѣхъ злодѣевъ, которые злоумышляютъ и противъ васъ и противъ ихъ царскихъ величествъ. Идите-же".

Всколыхнулись стрѣлецкіе полки. Смутный говоръ сотенъ голосовъ раздался въ отвѣтъ на рѣчь Артамона Сергѣевича. Напрасно Хованскій дѣлалъ стрѣльцамъ знаки, чтобы они бросились на Матвѣева. Стрѣльцы оставались тихи и, послушные голосу заслуженнаго боярина, начали все дальше и дальше отступать отъ дворцоваго крыльца. Еще минута, и мятежные стрѣльцы, успокоенные рѣчью Матвѣева, разбрелись бы по своимъ слободамъ. Но вдругъ раздался грозный крикъ:

„Мятежники, бездѣльники, кричалъ молодой вспыльчивый князь Долгорукій, начальникъ стрѣльцовъ, я вамъ покажу бунтовать; сейчасъ же убирайтесь изъ Кремля въ свои полки".

Заслышавъ угрозы нелюбимаго начальника, стрѣльцы снова разсвирѣпѣли. Какъ грозныя волны, снова подступили они къ крыльцу. Вотъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ вломились на самое крыльцо,

схватили Долгорукаго и сбросили его внизъ на подставленныя копья товарищей.

„Любо, любо“! кричали стоявшіе внизу стрѣльцы, и въ мигъ Долгорукій былъ изрубленъ.

Въ то же время новая толпа свирѣпыхъ и пьяныхъ стрѣльцовъ, заранѣе подговоренная Милославскимъ и проведенная имъ черезъ другой входъ, прибѣжала на крыльцо и схватила Матвѣева. Напрасно царица Наталья Кирилловна старалась защитить своего воспитателя. Стрѣльцы вырвали его изъ ея объятій и бросили внизъ на острыя копья. Не помня себя, опьяненные пролитой кровью, стрѣльцы съ копьями на перевѣсъ ворвались во дворецъ, отыскивая Нарышкиныхъ.

Много было пролито крови. Убиты были всѣ, ненавистные царевнѣ Софьѣ и Милославскимъ. Обезображенные, истерзанные трупы убитыхъ волокли черезъ Спасскія или Никольскія ворота на Красную площадь; передъ тѣломъ шли стрѣльцы, какъ бы для почета и кричали:

„Сторонись! ѣдетъ бояринъ князь Ромадановскій; дорогу! вотъ ѣдетъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ, шире дайте дорогу!“

Одинъ вѣрный слуга Матвѣева, не смотря на строгое запрещеніе стрѣльцовъ, пришелъ на Красную площадь, взялъ изуродованное тѣло своего боярина и похоронилъ его близъ церкви Николая Чудотворца на Столпахъ.

Такъ погибъ вѣрный слуга отечества, ближній бояринъ и другъ царя Алексѣя Михайловича. Добрая память ему! Не много удалось ему сдѣлать для блага родины, но онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые первые на Руси поняли, что многое доброе можно позаимствовать и у чужеземцевъ, дальше нашего ушедшихъ въ образованіи, промышленности и благоустройствѣ народной жизни; онъ не побоялся идти противъ родного зла, не сталъ на его сторону потому только, что это зло свое, родное, что оно опирается на вѣковые обычаи и привычки родного народа — досталось намъ отъ отцовъ нашихъ и дѣдовъ; онъ понималъ, что тьма — всегда тьма, откуда бы она ни брала свое начало, и что она всегда хуже свѣта; онъ понималъ и доказывалъ, что зло — всегда зло, кто бы за него ни стоялъ, какъ бы глубоко оно ни коренилось въ прошломъ. И вотъ почему для всякаго, любящаго свою родину и по настоящему желающаго ей блага, должно быть дорого имя Артамона Сергѣевича.

КОНЕЦЪ.

2007042166